

Бернд Бонвеч, Сергей Кудряшов

Советский Союз, Сталин и Германия в 1933–1941 гг. Документы

из Архива Президента Российской Федерации 13

Археографическое предисловие 42

ДОКУМЕНТЫ1932 год

№ 1. Запись из дневника Б. Виноградова. 13 сентября 44

1933 год

№ 2. Записка С. Иванова И. Сталину. 25 января 46

№ 3. Записка Н. Крестинского И. Сталину. 20 марта 49

Приложение. Л. Хинчук – Н. Крестинскому. 19 марта 49

№ 4. Проект письма в ЦК КП Германии. 20 марта 50

№ 5. Записка И. Пятницкого И. Сталину, В. Молотову и Л. Кагановичу. 29 марта 55

Приложение. Резолюция Президиума ИККИ по докладу о положении в Германии. 29 марта 55

№ 6. Выписка из протокола № 134 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 31 марта 61

№ 7. Выписка из протокола № 137 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 29 апреля 61

№ 8. Выписка из протокола № 137 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 9 мая 61

№ 9. Записка Л. Хинчука И. Сталину. 27 мая 62

№ 10. Запись из дневника М. Литвинова о беседе с фон Нойратом. 29 мая 63

№ 11. Запись разговора С. Бессонова с Мильхом. 3 июня 64

№ 12. Запись беседы В. Молотова с фон Дирксеном. 4 августа 66

№ 13. Записка М. Антонова И. Сталину. 4 августа 68

Приложение. Сообщение Я. Берзина К. Ворошилову. 26 июля 69

Объяснение полковника Гартмана. 22 июля 69

№ 14. Выписка из протокола № 143 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 10 августа 70

№ 15. Выписка из протокола № 145 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 13 сентября 70

Приложение. О печати в связи с процессом о поджоге рейхстага 71

№ 16. Шифртелеграмма Л. Хинчука. 21 сентября 71

№ 17. Выписка из протокола № 146 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 23 сентября 71

№ 18. Шифртелеграмма Л. Хинчука. 27 сентября 72

№ 19. Выписка из протокола № 146 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 26 сентября 72

№ 20. Выписка из протокола № 146 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 26 сентября	73
Приложение. Проект ответной ноты Твардовскому	73
№ 21. Выписка из протокола № 146 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 27 сентября	74
№ 22. Выписка из протокола № 147 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 8 октября	75
№ 23. Шифртелеграмма Л. Хинчука. 14 октября	75
№ 24. Шифртелеграмма Л. Хинчука. 19 октября	76
№ 25. Шифртелеграмма Л. Хинчука. 24 октября	76
№ 26. Выписка из протокола № 148 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 25 октября	77
№ 27. Шифртелеграмма Л. Хинчука. 25 октября	77
№ 28. Шифртелеграмма Л. Хинчука. 27 октября	78
№ 29. Запись из дневника М. Литвинова о беседе с фон Нойратом. 28 октября	78
№ 30. Выписка из протокола № 148 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 29 октября	80
Приложение. Шифртелеграмма М. Литвинова	80
№ 31. Запись из дневника Н. Крестинского о приеме фон Дирксена. 28 октября, 1 ноября	81
№ 32. Записка К. Ворошилова А. Сивкову. [Не позднее 8 ноября]	83
№ 33. Записка А. Розенгольца и Н. Крестинского И. Сталину. 10 ноября	84
<u>1934 год</u>	
№ 34. Запись из дневника Л. Карахана о беседе с Р. Надольным. 5 января	85
№ 35. Записка М. Калмановича И. Сталину. 7 января	87
Приложение. Письмо Майофиса правлению Госбанка СССР. 25 декабря 1933 г.	87
№ 36. Записка Н. Крестинского И. Сталину. 23 января	89
№ 37. Выписка из протокола № 153 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 25 января	89
№ 38. Записка Н. Крестинского И. Сталину. 19 марта	90
№ 39. Выписка из протокола № 3 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 20 марта	91
№ 40. Записка Вейцера И. Сталину, В. Молотову. 22 марта	92
№ 41. Записка Н. Крестинского И. Сталину. 19 мая	92
Проект комментария для газеты «Известия»	93
№ 42. Записка Н. Крестинского Л. Кагановичу. 9 августа	94
№ 43. Записка Ш. Элиавы Л. Кагановичу. 29 августа	95
№ 44. Выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 3 сентября	96
№ 45. Шифртелеграмма Фридрихсона. 11 сентября	96
№ 46. Выписка из протокола № 14 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 15 сентября	97
Приложение. Записка И. Сталина в ЦК ВКП(б). 14 сентября	97
№ 47. Шифртелеграмма И. Сталина. 1 октября	97
№ 48. Шифртелеграмма Фридрихсона. 11 ноября	98
№ 49. Письмо В. Пика И. Сталину. 16 ноября	98
№ 50. Выписка из протокола № 17 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 5 декабря	100

№ 51. Выписка из протокола № 19 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 28 декабря	101
Приложение. Основная номенклатура оборудования, подлежащего заказу в Германии в счет кредита в 200 млн марок	101

1935 год

№ 52. Шифровка Фридрихсона. 16 февраля	108
№ 53. Шифровка Д. Канделаки. 21 февраля	108
№ 54. Шифровка Д. Канделаки. 21 февраля	109
№ 55. Шифртелеграмма А. Розенгольца. [Не позднее 22] февраля	109
№ 56. Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б). 3 марта	110
№ 57. Выписка из протокола № 22 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 3 марта	111
№ 58. Агентурное донесение. 18 марта	112
№ 59. Шифртелеграмма Д. Канделаки. 21 марта	114
№ 60. Шифртелеграмма А. Розенгольца. 22 марта	115
№ 61. Выписка из протокола № 23 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 22 марта	115
№ 62. Записка М. Литвинова И. Сталину. 7 апреля	116
№ 63. Выписка из протокола № 24 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 7 апреля	117
№ 64. Выписка из протокола № 24 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 7 апреля	117
№ 65. Выписка из протокола № 25 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 27 апреля	117
Приложение. Список № 1 заказов для Наркомтяжпрома	118
№ 66. Выписка из протокола № 25 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 4 мая	125
№ 67. Записка М. Литвинова И. Сталину. 5 мая	125
№ 68. Шифртелеграмма М. Литвинова. 22 мая	126
№ 69. Шифртелеграмма А. Розенгольца. 25 июня	127
№ 70. Выписка из протокола № 28 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 25 июня	127
№ 71. Письмо Д. Канделаки И. Сталину. 3 сентября	127
№ 72. Записка Н. Крестинского И. Сталину. 16 сентября	129
Приложение. Справка о выступлениях антисоветского характера на нюрнбергском партийтаге. 16 сентября	129
№ 73. Выписка из протокола № 33 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 19 сентября	130
Приложение. Постановление ЦК ВКП(б) «О германском кредите». 19 сентября	130
№ 74. Письмо Д. Бухарцева Н. Бухарину. 12 октября	133
№ 75. Выписка из протокола № 34 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 2 ноября	134
№ 76. Записка Д. Канделаки И. Сталину, В. Молотову, А. Розенгольцу. 18 декабря	135
№ 77. Выписка из протокола № 36 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 23 декабря	136
Приложение. Рекомендации А. Розенгольца Д. Канделаки	136

1936 год

№ 78. Записка Д. Канделаки И. Сталину, В. Молотову, А. Розенгольцу. 20 января	137
№ 79. Шифртелеграмма А. Розенгольца. 5 марта	139

№ 80. Записка Н. Крестинского И. Сталину. 3 июня	140
Приложение. Копия письма Я. Сурица. 3 июня	140
№ 81. Записка С. Урицкого К. Ворошилову. 31 мая	141
Доклад о японо-германском сотрудничестве	141
№ 82. Записка С. Чуцкаева и Н. Крестинского И. Сталину. 29 июня	145
Проект постановления «О евреях – беженцах из Германии»	146
№ 83. Выписка из протокола № 42 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 7 августа	146
№ 84. Записка Д. Канделаки И. Сталину, В. Молотову и А. Розенгольцу. 28 августа	146
№ 85. Письмо Д. Канделаки И. Сталину. 20 октября	147
№ 86. Выписка из протокола № 44 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 9 декабря	149
№ 87. Запись из дневника Я. Сурица о беседе с Г. Герингом. 14 декабря	149

1937 год

№ 88. Записка М. Литвинова И. Сталину. 4 февраля	152
№ 89. Записка Д. Канделаки И. Сталину, В. Молотову и А. Розенгольцу. 17 марта	153
№ 90. Записка А. Розенгольца И. Сталину, В. Молотову. 22 апреля	153
Приложение. Шифртелеграмма А. Розенгольца в Берлин. 22 апреля	154
№ 91. Записка А. Розенгольца И. Сталину, В. Молотову, Л. Кагановичу, К. Ворошилову, Н. Ежову. 3 мая	154
Приложение. Шифртелеграмма Фридрихсона. 30 апреля	155
№ 92. Записка К. Бауман И. Сталину, В. Молотову. 7 июня	155
№ 93. Записка В. Потемкина И. Сталину. 7 октября	158
№ 94. Шифртелеграмма Г. Астахова. 9 октября	159
№ 95. Запись из дневника В. Потемкина о беседе с фон Шуленбургом. 13 октября	159
№ 96. Записка Б. Стомонякова И. Сталину. 9 ноября	160
№ 97. Заметка из гатезы «Правда». 10 ноября	161
№ 98. Шифртелеграмма Г. Астахова. 30 ноября	162
№ 99. Записка М. Литвинова И. Сталину. 20 декабря	162
№ 100. Выписка из протокола № 56 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 21 декабря	163

1938 год

№ 101. Шифртелеграмма Фина. 9 мая	163
№ 102. Выписка из письма Свана. 4 июля	164
№ 103. Шифртелеграмма А. Мерекалова. 6 июля	165
№ 104. Записка М. Литвинова И. Сталину. 16 ноября	167
№ 105. Записка Л. Берии И. Сталину. 26 ноября	167
№ 106. Выписка из протокола № 66 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 28 ноября	168
№ 107. Записка М. Литвинова И. Сталину. 1 декабря	168
№ 108. Шифртелеграмма И. Майского. 2 декабря	169
№ 109. Записка М. Литвинова И. Сталину. 3 декабря	170

№ 110. Выписка из протокола № 67 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 7 января	171
№ 111. Записка Л. Берии — И. Сталину. 9 января	171
Приложение. М. Литвинов — Л. Берии. 7 января	172
№ 112. Шифртелеграмма А. Мерекалова. 12 января	172
№ 113. Запись из дневника В. Потемкина о приеме фон Типпельскирха. 28 января	173
№ 114. Шифртелеграмма А. Мерекалова. 6 февраля	174
№ 115. Записка М. Литвинова И. Сталину. 14 апреля	174
№ 116. Шифртелеграмма М. Литвинова. 14 апреля	174
№ 117. Шифртелеграмма А. Терентьева. 8 мая	175
№ 118. Шифртелеграмма В. Молотова. 9 мая	176
№ 119. Шифртелеграмма А. Терентьева. 10 мая	176
№ 120. Запись из дневника В. Потемкина о приеме фон Шуленбурга. 20 мая	177
№ 121. Шифртелеграмма Я. Сурица. 26 мая	177
№ 122. Шифртелеграмма Г. Астахова. 27 мая	178
№ 123. Текст сообщения для печати. Не позднее 29 мая	178
№ 124. Шифртелеграмма А. Мерекалова. 30 мая	179
№ 125. Записка А. Богомолова И. Сталину. 10 июня	180
Приложение. Беседа Г. Астахова с Вайцсекером. 2 июня	180
№ 126. Запись беседы А. Микояна с А. Хильгером. 17 июня	182
Приложение. Текст, зачитанный Г. Хильгером во время беседы с А. И. Микояном 17 июня 1939 г.	183
№ 127. Запись беседы Г. Астахова с фон Шуленбургом. 22 июня	183
№ 128. Текст решения Политбюро ЦК ВКП(б). 14 июля	185
№ 129. Шифртелеграмма торгпреда СССР в Германии. 18 июля	186
№ 130. Шифртелеграмма Г. Астахова. 21 июля	187
№ 131. Шифртелеграмма Г. Астахова. 25 июля	187
№ 132. Шифртелеграмма А. Мерекалова. 27 июля	188
№ 133. Запись из дневника Г. Астахова. 27 июля	188
№ 134. Запись из дневника Г. Астахова. 27 июля	192
№ 135. Шифртелеграмма Гельфанда. 28 июля	194
№ 136. Запись беседы Г. Астахова с фон Риббентропом и К. Шнурре. 3 августа	194
№ 137. Шифртелеграмма полпреда СССР в Германии. 3 августа	197
№ 138. Шифртелеграмма полпреда СССР в Германии. 3 августа	198
№ 139. Шифртелеграмма В. Молотова. 4 августа	199
№ 140. Шифртелеграмма Г. Астахова. 5 августа	199
№ 141. Шифртелеграмма В. Молотова. 7 августа	200
№ 142. Письмо Г. Астахова В. Молотову. 8 августа	200
№ 143. Шифртелеграмма Г. Астахова. 10 августа	202

№ 144. Шифртелеграмма В. Молотова. 12 августа.....	202
№ 145. Письмо Г. Астахова В. Молотову. 12 августа	203
№ 146. Запись беседы Г. Астахова с К. Шнурре. 13 августа	204
№ 147. Шифртелеграмма Г. Астахова. 13 августа.....	205
№ 148. Шифртелеграмма Г. Астахова. 15 августа.....	205
№ 149. Шифртелеграмма Г. Астахова. 17 августа.....	206
№ 150. Запись из дневника В. Молотова о приеме фон Шуленбурга. 21 августа	206
Приложение. Телеграмма. Адольф Гитлер – господину И. В. Сталину.....	207
№ 151. Запись из дневника В. Молотова о приеме фон Шуленбурга. 21 августа	208
Приложение. И. Сталин – Рейхсканцлеру Германии господину Гитлеру. 21 августа.....	208
№ 152. Проект сообщения ТАСС. 22 августа	209
№ 153. Проекты Договора между Германским Правительством и Правительством Союза Советских Социалистических Республик. 24 августа.....	209
№ 154. Шифртелеграмма Г. Астахова. 29 августа.....	214
№ 155. Шифртелеграмма А. Шварцева. 3 сентября.....	215
№ 156. Выписка из протокола № 7 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 4 сентября	215
№ 157. Записка А. Микояна И. Сталину, В. Молотову. 7 сентября	216
Проект постановления ЦК ВКП(б) о составе комиссии для посылки в Германию и Италию	216
Справка на членов комиссии.....	217
№ 158. Записи из дневника А. Шварцева. 3 и 4 сентября	217
№ 159. Письмо А. Шварцева В. Молотову. 4 сентября	219
№ 160. Текст сообщения фон Шуленбурга В. Молотову. 16 сентября.....	220
№ 161. Письмо фон Шуленбурга В. Молотову. 20 сентября.....	221
№ 162. Выписка из протокола № 8 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 8 октября	221
№ 163. Выписка из протокола № 8 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 15 октября	222
№ 164. Записка А. Микояна И. Сталину. 17 октября	223
Приложение. Запись беседы А. И. Микояна с германской экономической делегацией. 9 октября	223
Запись беседы А. И. Микояна с германской экономической делегацией. 10 октября	226
Запись беседы А. И. Микояна с представителями и германской экономической делегации г.г. Риттером и Шнурре. 14 октября	228
№ 165. Записка А. Микояна И. Сталину, В. Молотову, К. Ворошилову, Л. Кагановичу. 17 октября	230
Приложение. Запись беседы А. И. Микояна с представителями германской экономической делегации г.г. Риттером и Шнурре. 17 октября	230
№ 166. Записка Л. Берии И. Сталину. 19 октября.....	233
Приложение. Сообщение германского посла фон дер Шуленбурга. 14 октября	233
№ 167. Записка К. Ворошилова И. Сталину, В. Молотову. 20 октября.....	234
Программа особых заказов и закупок	234
Приложение № 1 к перечню заказов по военному кораблестроению.....	245
№ 168. Выписка из протокола № 8 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 23 октября.....	248
Приложение. О составе хозяйственной комиссии, направляемой в Германию	248

№ 169. Записка А. Микояна И. Сталину, В. Молотову, К. Ворошилову. 4 ноября	250
Приложение. Запись переговоров авиационной бригады Комиссии СССР с представителями Министерства авиации Германии. 28 октября	250
Запись переговоров бригады судостроения Комиссии СССР с представителями Морского министерства Германии. 28 октября	252
Запись переговоров бригады морского вооружения Комиссии СССР с морской группой специалистов Германии. 28 октября	254
№ 170. Шифртелеграмма И. Тевосяна, А. Шварцева и Г. Савченко И. Сталину, В. Молотову, А. Микояну. 28 октября	258
№ 171. Шифртелеграмма И. Тевосяна, А. Шварцева и Г. Савченко И. Сталину, В. Молотову, А. Микояну. 29 октября	259
№ 172. Шифртелеграмма И. Тевосяна, Г. Савченко И. Сталину, В. Молотову, А. Микояну. 3 ноября	261
№ 173. Шифртелеграмма И. Тевосяна, А. Шварцева и Г. Савченко И. Сталину, В. Молотову, А. Микояну. 6 ноября	262
№ 174. Записка И. Тевосяна и Г. Савченко И. Сталину. 14 ноября	262
Приложение. Беседа т. Тевосяна с Риттером. 13 ноября	262
№ 175. Записка И. Тевосяна и Г. Савченко И. Сталину. 14 ноября	265
Таблица данных германских самолетов 1939 года	266
№ 176. Постановление СНК СССР. 14 ноября	268
Инструкция советской делегации в Центральной смешанной советско-германской пограничной комиссии	268
№ 177. Шифртелеграмма А. Шварцева В. Молотову. 15 ноября	270
№ 178. Шифртелеграмма И. Тевосяна, Г. Савченко, А. Шварцева, Е. Бабарина И. Сталину, В. Молотову, А. Микояну, К. Ворошилову. 8 декабря	271
№ 179. Письмо фон Шуленбурга В. Молотову. 20 ноября	272
№ 180. Шифртелеграмма И. Тевосяна, Г. Савченко, А. Шварцева, Е. Бабарина И. Сталину, В. Молотову, А. Микояну, К. Ворошилову. 9 декабря	273
№ 181. Записка А. Микояна И. Сталину. 14 декабря	274
Приложение. Содержание устного сообщения германского посла наркому внешней торговли СССР А. И. Микояну. 14 декабря	275
Сообщение германского посла относительно морских перевозок из Финляндии в Германию. 14 декабря	276
Запись беседы А. И. Микояна с Послом Германии в СССР фон Шуленбургом. 14 декабря	277
<u>1940 год</u>	
№ 182. Записка Л. Берии И. Сталину. 29 января	278
№ 183. Выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 4 марта	279
Приложение. Список членов комиссии по размещению заказов в Германии	279
№ 184. Записка И. Тевосяна, А. Яковлева И. Сталину, В. Молотову, К. Ворошилову, А. Микояну. 2 апреля	281
Приложение. Актовая записка о переговорах наркома Тевосяна с генералом Удетом. 28 марта	281
№ 185. Записка И. Тевосяна, Г. Савченко И. Сталину, В. Молотову, К. Ворошилову, А. Микояну. 2 апреля	283
Приложение. Актовая записка о беседе с Герингом. 29 марта	283
№ 186. Записка А. Микояна И. Сталину, В. Молотову. 7 апреля	286
Приложение. Запись беседы А. И. Микояна с германским послом Шуленбургом. 5 апреля	286

№ 187. Текст телеграммы И. Сталина И. Тевосяну. 8 апреля.....	288
№ 188. Записка Л. Берии И. Сталину. 9 апреля	288
№ 189. Шифртелеграмма И. Тевосяна А. Микояну. 11 апреля	289
№ 190. Шифртелеграмма И. Тевосяна И. Сталину, В. Молотову, К. Ворошилову, А. Микояну. 12 апреля	290
№ 191. Записка В. Молотова в Политбюро ЦК ВКП(б). 9 мая	291
Постановление СНК СССР «О заключении Соглашения между Союзом Советских Социалистических Республик и Германией о пограничных правовых взаимоотношениях». 14 мая	291
№ 192. Проект ноты НКВД СССР. 12 августа.....	292
№ 193. Записка А. Микояна И. Сталину, В. Молотову. 13 августа	293
№ 194. Выписка из протокола № 19 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 15 августа	294
№ 195. Записка Л. Ровинского А. Поскребышеву. 21 августа	294
Приложение. Текст статьи «Годовщина советско-германского пакта»	295
№ 196. Записка Л. Берии И. Сталину. 1 октября	298
№ 197. Записка Л. Берии И. Сталину. 24 октября	298
Информация Судоплатова	299
№ 198. Запись из дневника В. Молотова о беседе с Г. Герингом. 13 ноября	299
№ 199. Запись из дневника В. Молотова о беседе с Г. Гессом. 13 ноября	302
№ 200. Записка Я. Хавинсона Поскребышеву. Не позднее 14 ноября 1940 г.	303
Приложение. Прием у Гитлера в честь В. М. Молотова	303
Вторая беседа между г. Гитлером и тов. Молотовым	304
№ 201. Шифртелеграмма В. Молотова в Вашингтон. 17 ноября	305
№ 202. Запись беседы В. Молотова с фон Шуленбургом. 25 ноября	305
Приложение. В. Молотов – Шуленбургу. 25 ноября	306
<u>1941 год</u>	
№ 203. Текст меморандума Германского правительства. 6 марта.....	307
№ 204. Выписка из протокола № 28 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 10 марта	309
№ 205. Записка А. Микояна И. Сталину, В. Молотову. 11 марта.....	310
Приложение. Итоги выполнения Хозяйственного соглашения между СССР и Германией	310
Экспорт СССР в Германию	311
Импорт СССР из Германии	312
№ 206. Записка А. Микояна И. Сталину, В. Молотову. 26 марта	314
Приложение. Протокол переговоров Уполномоченных Правительства СССР и Правительства Германии по проверке выполнения Хозяйственного соглашения между СССР и Германией от 11 февраля 1940 года	314
Список германских просроченных поставок	315
Советские поставки в Германию, осуществленные на основе Хозяйственного соглашения	317
Германские поставки в СССР, осуществленные на основе Хозяйственного соглашения	318
№ 207. Записка А. Вышинского В. Молотову. 31 марта	320
№ 208. Записка А. Шахурина И. Сталину. 25 апреля	320
Приложение. Отчет о посещении заводов авиационной промышленности СССР германской авиационной комиссией	321

№ 209. Запись из дневника В. Деканозова о беседе с фон Шуленбургом. 5 мая	324
№ 210. Запись из дневника В. Деканозова о беседе с фон Шуленбургом. 9 мая	326
№ 211. Запись из дневника В. Деканозова о беседе с фон Шуленбургом. 12 мая	328
№ 212. Текст заявления В. Деканозова фон Шуленбургу. 12 мая.....	330
№ 213. Записка С. Козырева А. Поскребышеву. 26 мая	330
В. Деканозов. Предварительные данные о «случае с Гессом»	330
№ 214. Запись из дневника А. Вышинского о приеме фон Шуленбурга. 28 мая	334
Приложение. Сообщение Наркомата иностранных дел. 28 мая	335
Сообщение Наркомата иностранных дел. 28 мая	335
Господину графу фон дер Шуленбургу. 28 мая	336
Меморандум Наркомата иностранных дел. 28 мая	336
№ 215. Записка А. Микояна И. Сталину. 13 июня	337
№ 216. Выписка из протокола № 34 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 14 июня.....	339
№ 217. Запись из дневника А. Вышинского о приеме фон Шуленбурга. 14 июня	339
№ 218. Запись из дневника В. Молотова о приеме фон Шуленбурга. 22 июня 1941 г.	341
№ 219. Шифртелеграмма А. Панюшкина. 23 января 1948 г.	342
Примечания.....	344
Именной указатель	347
Список сокращений	366

Советский Союз, Сталин и Германия в 1933–1941 гг.

Документы из Архива Президента Российской Федерации

Долгое время исследования советско-германских отношений 1933–1941 гг., как, впрочем, и всей внешней политики СССР, страдали от засекреченности важнейших советских источников. В 1990-е годы, с началом публикации документальной серии МИДа, материалов из архивов партии и Коминтерна, положение стало постепенно меняться¹. Ряд историков получили доступ к закрытым материалам, что позволило высветить новые вопросы и поднять дискуссию на более высокий уровень². Однако специфика российских ведомственных архивов, не подпускающих ученых к описям фондов и тем самым не дающих возможности оценить весь источниковедческий фундамент темы, по-прежнему мешает развитию науки. Вот почему любое рассекречивание массивов документов из ведомственных хранилищ приобретает принципиальное значение.

В 2008 г. в Архиве Президента Российской Федерации были рассекречены дела по советско-германским отношениям в эпоху между Первой и Второй мировыми войнами. Это, несомненно, огромное приобретение для науки, поскольку в этом архиве отложились документы, отбирившиеся специально для нужд Политбюро, а с 1930 г., когда заведующим особым

сектором ЦК стал Александр Поскребышев, — главным образом для самого Сталина.

Большинство материалов по советско-германским отношениям собраны в фонде № 3 (Политбюро). Фонд Политбюро делится, как и принято в архивной практике, на тематические разделы, представленные в соответствующих описях. Опись 64 содержит архивные дела, относящиеся к международным отношениям. «Германские вопросы» собраны в делах 638–692 различного объема и содержат 8284 листа. Поскольку они фиксировали лишь то, что обсуждалось или бралось на заметку в Политбюро либо по какой-то причине интересовало лично Сталина, на основании этих дел невозможно восстановить в подробностях все перипетии советско-германских отношений. К тому же, как это ни огорчительно для историков, многое решалось в устных и телефонных разговорах, не оставляя письменных следов. Тем не менее наиболее принципиальные сюжеты нашли отражение в документах из АП РФ.

В архивный порядок многие материалы Политбюро стали приводиться лишь в середине 1960-х и главным образом в 1970-е годы. Поэтому структура фондов сложилась лишь с течением времени³. Большая часть дел по Германии —

1. Год кризиса, 1938–1939. Документы и материалы: В 2 т. М., 1990; Документы внешней политики (далее — ДВП). Т. XXII. 1939: В 2 кн. М., 1992; Т. XXIII. 1940 — 22 июня 1941: В 2 кн. М., 1995–1998; Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942. М., 2000; Коминтерн и Вторая мировая война: В 2 т. М., 1994–1998; Коминтерн против фашизма. Документы. М., 1999; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки» 1923–1939 гг. М., 2001; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943 гг. Документы (далее — Политбюро и Коминтерн). М., 2004.
2. I. Fleischhauer, Der Pakt. Hitler, Stalin und die Initiative der deutschen Diplomatie 1938–1939. Berlin 1990 (Перевод на русский язык: Фляйшхауэр И., Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. М., 1990); G. Gorodetsky, Grand Delusion. Stalin and the German Invasion of Russia. New Haven 1999 (русское издание: Городецкий Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 1999); Чубарьян А. О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2008; Безыменский Л. А. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000 (в отличие от русского издания, немецкое опубликовано со ссылками на источники: L. Besymenski, Stalin und Hitler. Das Pokerspiel der Diktatoren. Berlin 2002).
3. Besymenski, Stalin und Hitler. S. 7–19; Медведев Ж. А., Медведев П. А. Личный архив Сталина — засекречен или ликвидирован? // Вопросы истории. 2001. № 3. С. 21–38; Jonathan Brent, Inside the Stalin archives: discovering the new Russia. New York 2008; См. также выпуски Вестника Архива Президента, М., 2006–2008.

это документы, собранные под рубрикой «Политические и экономические отношения» за период с мая 1920 г. по 16 июня 1941 г., всего 27 дел (№ 644–670). Отдельно представлены сюжеты: «Германия. Рапалльский договор и договор о нейтралитете» (№ 671), «Германия. Договор о ненападении и Договор о дружбе и границах между СССР и Германией» (№ 673–675) и одиннадцать дел, составляющих группу под заглавием «Германия. Взаимоотношения с СССР» (№ 676–686). Эта группа содержит в основном источники по разным второстепенным политическим темам (№ 676–678) или документы по такому, например, маловажному делу, как «Обыск в торговом представительстве СССР» 1924 г. (№ 679–680), не попавшие в подборку документов об «экономических и политических взаимоотношениях». Любопытно, что здесь содержатся сделанные советской стороной записи разговоров с немецкими послами в МИДе. И, наконец, нужно назвать группу из четырех дел, объединенных темой «Германия. Внутриполитическое положение» (№ 689–692). Один из интереснейших документов в этой группе — десятистраничный отчет посла Деканозова от 21 мая 1941 г. о деле Рудольфа Гесса⁴.

Советская политика в отношении Германии в 1920-е годы

Для того чтобы читателю стали понятнее отношения Германии и Советского Союза в 1933–1941 гг. и споры историков по этому поводу, кратко остановимся на предыстории вопроса. Обе страны (наряду с Турцией) оказались париями созданной в 1919 г. в Париже послевоенной системы. По словам Вальтера Ратенау, в то время председателя правления Всеобщей компании электричества, а позже немецкого министра иностранных дел, эти страны составили «Салон отверженных», который в конце концов мог подорвать союз победителей⁵. Германия была больше всего заинтересована в пересмотре навязанных ей победителями госу-

дарственных границ, политических и военных ограничений, а также экономических и финансовых повинностей. В свою очередь Советская Россия стремилась воспрепятствовать объединению противников в новую коалицию. Совместное противостояние Версальской системе нашло наиболее отчетливое выражение в тайном сотрудничестве рейхсвера и Красной армии, а политически было оформлено в Рапалльском договоре от 16 апреля 1922 г.⁶

Для первой половины 1920-х годов можно без преувеличения говорить об особых отношениях обоих государств. Но когда Германия под руководством канцлера Лютера и министра иностранных дел Штреземана начала в 1925 г. проводить «политику Локарно», искать для себя *modus vivendi* с державами-победительницами и стремиться к вступлению в Лигу Наций, короткая фаза советско-германского альянса против Версаля закончилась⁷. Правда, СССР хотел Берлинским договором 1926 г. сохранить остатки солидарности с Германией в форме пакта о дружбе и нейтралитете⁸. Но, конечно, Москва уже не могла видеть в Германии надежного партнера по союзу против держав-победительниц Первой мировой войны.

Переориентацию советской внешней политики под знаком «коллективной безопасности» колоритно воплощал М. М. Литвинов⁹. Разумеется, окончательные решения по важнейшим вопросам принимали Политбюро и лично Сталин. Однако назначение Литвинова, несомненно, свидетельствовало о смене курса, который по духу соответствовал немецкой политике Локарно. Он был направлен на сближение с Западом, на интеграцию Советского Союза в международную систему и в то же время не пренебрегал соблюдением общих советско-германских интересов на Востоке, особенно в отношении Польши. Расширившийся спектр интересов советской политики получил программное выражение в учреждении 16 мая 1932 г. секретного Бюро международной информации (БМИ) при ЦК ВКП(б) и поставленных перед ним задачах¹⁰. Благодаря этой политике

4. См. документ № 213 в настоящем издании.
5. F. A. Krummacker, H. Lange, *Krieg und Frieden. Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen*. Von Brest-Litowsk zum Unternehmen Barbarossa. München 1970, S. 74.
6. E. H. Carr, *German — Soviet Relations between the Two Wars*. Baltimore 1951; M. Zeidler, *Reichswehr und Rote Armee 1920–1933. Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit*. München 1993; Y. Dyakov, T. Bushueva, *The Red Army and the Wehrmacht*. Amherst 1995 (Русское издание: Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. *Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер*. М., 1992); Горлов С. А., *Совершенно секретно*. Москва — Берлин, 1920–1933. Военно-политические отношения между СССР и Германией. М., 1999; Кантор Ю. З. *Заклятая дружба*. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930 годы. СПб., 2009; W. Beitel, J. Nötzold, *Deutsch-sowjetische Wirtschaftsbeziehungen in der Zeit der Weimarer Republik*. Baden-Baden 1979.
7. P. Krüger, *Die Aussenpolitik der Republik von Weimar*. Darmstadt 1985, S. 269–301.
8. Krüger, *Aussenpolitik*, с. 315–319.
9. Шейнис З. С., Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989. С. 250. См. также: J. Haslam, *Soviet Foreign Policy, 1930–33*. London 1983, P. 10–20.
10. Решение Политбюро от 1. 4. 1932 г. // Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. С. 281–282.

Советскому Союзу удалось предпринять шаги к преодолению международной изоляции. Наглядный пример — присоединение к пакту Бриана — Келлога и в особенности подписание по советской инициативе «протокола Литвинова», в котором стороны осуждали войну как средство решения международных конфликтов. Одновременно Советский Союз продлил Берлинский договор с Германией¹¹. При этом советско-польский пакт о ненападении от 25 июля 1932 г., стоявший в одном ряду с договорами, заключенными с Финляндией, Эстонией, Латвией и Францией, но имевший особое значение для отношений с Германией, показывал, что Москва уже не рассматривает изменение политики Рапалло как чисто временное явление¹². Тем не менее концепция «коллективной безопасности» поначалу включала и Германию. Более того, Литвинов шел на договор с Польшей с такой неохотой, что Каганович, считавший себя посвященным в тайные мысли Сталина, в ходе переговоров с Польшей даже неоднократно упрекал руководство МИДа в «германофильстве»¹³.

Несмотря на отход от односторонней ориентации на Германию и на работу по постепенному преодолению международной изоляции, Советский Союз продолжал страдать от недостаточной «легитимности» и раздражающе двойственного характера своей внешней политики, колеблющейся между внутренней направленностью на революцию и внешним сохранением status quo среди государств на международной арене. Отчасти поэтому некоторые европейские государства, а также Соединенные Штаты пока отказывали СССР в дипломатическом признании, а также во вступлении в Лигу Наций. К тому же затяжной конфликт с Великобританией, приведший к разрыву дипломатических отношений в 1927–1929 гг., отрицательно сказывался на международном положении страны в целом¹⁴.

Как раз в этой неустойчивой ситуации

в Германии начался стремительный подъем национал-социализма. Его политическое значение недооценивалось многими и в Германии, и за рубежом, однако советская сторона делала это совершенно особым образом¹⁵. Известно классическое — одобренное Сталиным — определение фашизма, данное в тезисах XIII пленума ИККИ 12 декабря 1933 г., а также в резолюциях VII Всемирного конгресса Коминтерна 20 августа 1935 г. Там утверждалось, что фашизм — «это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»¹⁶. Вместе с тем это понимание сложилось только через несколько месяцев после «захвата власти» и означало поправку к «недооценке» опасности фашизма «некоторыми товарищами», как загадочно выразился Димитров, имея на самом деле в виду официальное руководство Коминтерна. Дело в том, что до этого поворота, в основном по настоянию немецких и польских коммунистов, с 1929 г. главным врагом рабочего класса объявлялись социал-демократы. Поэтому стратегия борьбы с фашизмом предусматривала «главный удар» по социал-демократии, как заявил, например, Эрнст Тельман, выступая перед ЦК КПГ в мае 1932 г.¹⁷

Кампания против СДПГ разворачивалась под лозунгом «социал-фашизма». Эта характеристика социал-демократии, уже наметившаяся в связи с обсуждением программы на VI конгрессе Коминтерна в 1928 г., восходит к высказыванию Сталина (1924) о ситуации в Италии. Сталин назвал социал-демократию и фашизм «близнецами» и сказал, что «социал-демократия есть объективно умеренное крыло фашизма». В конце 1920-х годов в связи с борьбой Сталина и его окружения против Бухарина и «правого уклона» это определение было вновь извлечено на свет и сделано официальной позицией Коминтерна¹⁸. В Исполкоме Коминтер-

11. Правда, ратифицирован он был лишь в мае 1933 г.

12. В. Pietrow, *Stalinismus, Sicherheit, Offensive. Das Dritte Reich in der Konzeption der sowjetischen Aussenpolitik 1933 bis 1941*. Melsungen 1983, S. 30–32.

13. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. С. 213.

14. Подробнее см.: G. Gorodetsky, *The Precarious Truce: Anglo-Soviet Relations 1924–1927*. Cambridge 1977; E. H. Carr, *The Twenty Years Crisis 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations*. London 1981; P. W. Doerr, *British Foreign Policy, 1919–1939*. Manchester 1998.

15. L. Luks, *Anmerkungen zu den Fehleinschätzungen des Nationalsozialismus durch den Bolschewiki und die Kommunistische Internationale*. In: *Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung 2009*. S. 299–314; T. Weingartner, *Stalin und der Aufstieg Hitlers. Die Deutschlandpolitik der Kommunistischen Internationale 1929–1934*. Berlin 1970.

16. «Тезисы, принятые XIII пленумом ИККИ по докладу т. Куусинена», 12. 12. 1933 г., и резолюции VII конгресса Коминтерна, 20. 8. 1935 г. // *Коминтерн против фашизма*. № 87. С. 309; Georgi Dimitroff, *Ausgewählte Schriften*, Bd. 2, Berlin 1958, S. 525. См. также: Галактионов Ю. В. *Отечественная историография германского фашизма (20-е годы — первая половина 90-х годов)*. Кемерово. 2005. С. 48–66; E. Lewerenz, *Analyse des Faschismus durch die Kommunistische Internationale*. Berlin 1975.

17. Weingartner, *Aufstieg*, S. 159.

18. Галактионов Ю. В. *Отечественная историография...* С. 15–48; P. H. Lange, *Stalinismus versus «Sozialfaschismus» und «Nationalfaschismus»*. Göppingen 1969; Pietrow, *Stalinismus*, S. 75–82.

на даже создали специальную «комиссию по социал-фашизму»¹⁹.

Не в последнюю очередь и сам Сталин форсировал в Политбюро критику социал-демократов, которые якобы препятствуют борьбе масс против фашизма²⁰. Это продолжалось даже после захвата власти НСДАП. В частности, он лично редактировал большую часть проекта резолюции президиума Исполкома Коминтерна о положении в Германии, санкционированной Политбюро 31 марта 1933 г. При этом Сталин вычеркнул из проекта замечания о том, что фашистский террор направлен отчасти и против социал-демократии, и вместо этого внес слова о том, что установление фашистской диктатуры в конечном счете является виной социал-демократии и итогом ее сотрудничества с буржуазными партиями²¹. Эти замечания были для генерального секретаря ЦК ВКП (б) настолько важны, что он (прямо-таки сенсационный отход от обычных его приемов) отказался от традиционного карандаша, а взялся за ножницы, бумагу и клей. Уже в первой редакции было ясно, что Сталин трезвее оценивает положение в Германии, чем опьяненные собственной риторикой функционеры Коминтерна. Сталин явно не разделял их оптимизма по поводу того, что «революционный подъем в Германии, вопреки фашистскому террору, неизбежно будет нарастать». Он оставил мысль о нарастании революционного подъема, однако добавил, что имеет место «нынешнее затишье после победы фашизма», который представляет собой «временное явление». Он отметил красным карандашом на полях: «Нечего хорохориться. Надо признать, что они победили пока что». Разумеется, здесь тоже не обошлось без указания на вредное влияние социал-демократии, от которого фашистская диктатура избавила массы, ускорив тем самым развитие пролетарской революции в Германии²².

Одержимость борьбой с социал-демократией привела КПГ даже к совместным акциям с НСДАП. Наибольшую известность получила забастовка рабочих берлинского транспорта

в ноябре 1932 г., организованная коммунистами и национал-социалистами²³. И все же, когда молодой функционер КПГ Вальтер Ульбрихт 22 января 1931 г. выступал на нацистском митинге в публичном зале берлинского района Фридрихсхайн в присутствии гауляйтера Геббельса, объединяла их, разумеется, не общая цель, а общий враг: Веймарская республика и ее важнейшая парламентско-демократическая опора — социал-демократия.

Очевидно, что борьба с немецкими социал-демократами имела и внешнеполитические аспекты. Именно СДПГ в конце 1926 года сделала публичным скандал о тайном сотрудничестве между рейхсвером и Красной армией. СДПГ также критиковала сотрудничество буржуазных и правых партий с Советским Союзом, отождествляя советский коммунизм с фашизмом; кроме того, именно СДПГ вместе с умеренными буржуазными партиями, входившими в коалицию, проводила внешнюю политику с ориентацией на западные державы²⁴. В чем СДПГ не знала себе равных, так это в антикоммунизме, и КПГ являлась одним из главных ее врагов. Однако социал-демократы никогда не шли на тактические альянсы с национал-социалистами или другими правыми партиями. Поэтому, как это ни парадоксально, подъем НСДАП положительно сказался на внешнеполитическом положении Советского Союза. Несмотря на антиеврейскую и одновременно антибольшевистскую пропаганду, конкретные цели нацистов выглядели в первую очередь гарантией возобновления политики против «версальского унижения», воплощенной в свое время в Рапалльском договоре. Сталин упомянул об этом в конце 1931 г. в разговоре с Гейнцем Нейманом, но в целом такой вывод был достаточно очевиден²⁵. Замечание Сталина в резолюции Исполкома Коминтерна, что национал-социалисты «пока что» победили, свидетельствует о том, что он готовился использовать эту ситуацию. Подобный поворот немецкой внешней политики не только уменьшал непосредственную опасность любого единого фронта европейских

19. См.: Коминтерн против фашизма. № 57, 66–68. См. также: T. Rees/F. Thorpe (Eds.), *International Communism and the Communist International 1919–1943*. Manchester 1998; K. McDermott/J. Agnew, *The Comintern: A History of International Communism from Lenin to Stalin*. New York 1997.

20. См., например: Б. Пятницкий Сталину, 16.4. 1931 г. и 10.5.1932 г. // Политбюро и Коминтерн. С. 643–644, 655–660.

21. Выдержка из протокола № 134 Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 апреля 1933 г. с решением (циркулярный порядок) Политбюро от 31.3.1933 г. по проекту резолюции ИККИ от 29 марта 1933 г. См. документ № 5 в настоящем издании. Ср.: Политбюро и Коминтерн. 1919–1943. С. 688–689, прим. 1. См. также более раннюю редакцию проекта резолюции от 20. 3. 1933 г., которую Пятницкий в тот же день передал Сталину, Молотову и Кагановичу // Коминтерн против фашизма. № 77. С. 291–298.

22. Пятницкий — Сталину, Молотову, Кагановичу. См. документ № 4 в настоящем издании.

23. Weingartner, *Aufstieg*, с. 153; Krummacher/Lange, *Krieg und Freiden*, S. 246.

24. J. Zarusky, *Die deutschen Sozialdemokraten und das sowjetische Modell. Ideologische Auseinandersetzung und aussenpolitische Konzeptionen 1917–1933*. München 1992.

25. M. Buber-Neumann, *Von Potsdam nach Moskau. Stationen eines Irrweges*. Stuttgart 1957, S. 284.

держав против Советского Союза, но и повышал ценность СССР как возможного партнера для государств, заинтересованных в сохранении Версальской системы. В особенности это касается Франции и Чехословакии, но в конечном счете и Польши. В 1933 г. гитлеровская Германия представляла угрозу прежде всего для Польши и Чехословакии; для Советского Союза опасность если и существовала, то лишь в долгосрочной перспективе и только при условии успехов Германии в борьбе против Версальского договора. С другой стороны, у СССР появлялась возможность как минимум для попытки нового сближения с Германией в духе Рапалльского договора, хотя из-за откровенно антикоммунистического настроения НСДАП эта перспектива могла показаться иллюзорной.

Советский Союз и Третий рейх

В исторической науке представлены самые разные суждения о советской политике в отношении нацистской Германии. Известна полемичная концепция Роберта Такера, согласно которой Сталин даже «косвенно способствовал» захвату власти Гитлером, постоянно стремился к сотрудничеству с Германией, получившему окончательное оформление в 1939 г., что в конце концов способствовало развязыванию новой войны²⁶.

В том же ключе интерпретирует политику Сталина и Сергей Случ. Он убежден, что Сталин был чрезвычайно заинтересован в прямом сотрудничестве с нацистской Германией и даже стремился «принудить» ее к дружественной политике, угрожая прекращением военных контактов²⁷. В Кремле, по мнению российского историка, были «чрезвычайно довольны обострением отношений между Германией и западными державами», проявившимся в выходе Германии из Лиги Наций и ее неучастием в международной конференции по разоружению в 1933 г.²⁸ Он считает, что за сотрудничество с Германией Сталин готов был платить хотя и не любую, но все же «очень высокую» цену. Поэтому политика «коллективной безопасности» есть «не что иное, как тактический ход, удобный камуфляж генеральной линии сталинской стратегии». Эта стратегия была направлена на рас-

кол мира, натравливание государств друг на друга, углубление вспыхивающих международных противоречий и конфликтов и в конечном счете — на перенесение марксистско-ленинского учения о классовой борьбе в область международных отношений²⁹. Скажем определенно: такое могло бы быть, но невозможно утверждать, что именно так и было. Нельзя доказать, что Сталин руководствовался именно теми соображениями и целями, которые ему приписывает Случ. Тезисы подобных авторов представляют собой никоим образом не обязательную модель интерпретации мышления и побудительных мотивов Сталина. Отдельные его действия подгоняются исследователями под эту модель. Из самих же действий модель никак не явствует. Большая часть принимавшихся мер и засвидетельствованных источниками высказываний, на которые ссылается Случ, вполне допускает и другую интерпретацию.

Это можно показать на примере военного сотрудничества, которое с точки зрения обеих сторон давно утратило конкретную ценность: для немцев — потому, что после признания Францией и Англией в 1932 г. равноправия Германии в вопросе о вооружениях они уже не считали по-настоящему необходимыми тайные проекты вооружения за границей; для советской стороны — потому, что она уже не видела для себя какой-либо пользы от немецкой активности, но ощущала, что ее используют, как сказал 12 марта 1932 г. нарком Ворошилов советскому представителю в Берлине³⁰.

Скорее можно угадать политические соображения советской стороны, а именно нежелание отягощать и без того натянутые отношения с Берлином. Тем не менее подобная политическая сдержанность потеряла всякий смысл после прихода к власти Гитлера, когда в Германии началась, по словам Литвинова, травля всего, «что носит название советского»³¹. Прекращение сотрудничества не было односторонним актом — в нем участвовали обе стороны. Например, о закрытии немецкого учебно-летнего центра в Липецке «наши друзья», как выразился начальник 4-го управления штаба РККА Берзин в донесении наркому Ворошилову, заявили уже в январе 1933 г. Школе предстояло закрыться осенью по финансовым соображениям³². Закрытие других центров и прекращение

26. R. C. Tucker, *Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928–1941*. New York 1980, P. 223–237, 342.

27. S. Slutsch, *Stalin und Hitler 1933–1941. Kalküle und Fehl kalkulationen des Kreml*. In: J. Zarusky (Hg.), *Stalin und die Deutschen*. München 2006, S. 62.

28. Slutsch, *Stalin und Hitler*, S. 63.

29. Slutsch, *Stalin und Hitler*, S. 63–64.

30. Кантор Ю. З. *Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е гг.* СПб., 2009. С. 99–100. См. также на с. 67 суждение И. С. Уншлихта от 1. 2. 1927.

31. Slutsch, *Stalin und Hitler*, S. 59.

32. Антонов — И. Сталину, 4.8.1933. См. документ № 13 в настоящем издании.

совместного участия офицеров в штабных маневрах и прочих мероприятиях основывалось на двусторонних решениях, хотя военные постоянно заверяли, что с удовольствием продолжили бы сотрудничество. Удивительно то, насколько гладко и бесшумно все прошло и как мало при этом было побито политической посудой³³. Благодарственное письмо фон Бломберга после закрытия немецких учебных пунктов выдержано в самых теплых тонах³⁴. Никаких следов «принуждения» с советской стороны в нем не обнаруживается.

За исключением продления Берлинского договора 5 мая 1933 г., новое немецкое руководство не проявило ни малейших признаков расположения к Советскому Союзу. В одном только 1933 г. СССР отправил Берлину 217 протестов по поводу грубого преследования советских граждан и учреждений в Германии³⁵. Молотов, будучи одним из ближайших к Сталину людей, не оставил в разговоре с послом Дирксеном 4 августа 1933 г. ни малейшего сомнения в том, что советское правительство очень серьезно относится к антисоветским выходкам новых немецких властей и намерено учесть это при выработке своей политики в отношении Германии³⁶.

Мы не разделяем взгляды тех авторов, которые считают подобные протесты и жалобы на то, что немецкая внешняя политика проводится «за счет СССР»³⁷, лишь «показной» стороной политики Сталина, ничего не говорящей о его подлинных намерениях³⁸. Истинные намерения советской политики необходимо выяснять в каждой конкретной ситуации. И, к сожалению, это не всегда можно сделать со стопроцентной уверенностью. Безусловно, Советский Союз не был заинтересован в разрыве отношений с Германией. Ради сохранения неплохих отношений с Берлином Кремль мог пойти и на некоторые сомнительные шаги. Так, секретарь ЦИК Авель Енукидзе заявил в августе 1933 г. в беседе с послом Дирксеном, советником посольства фон Твардовским и заместителями Литвинова Крестинским и Караханом, что устранение внутривнутриполитической оппозиции в Германии благоприятно для развития советско-германских отношений. Енукидзе сослался при этом на личное мнение Сталина. Впоследствии

советские официальные лица сделали еще несколько жестов, якобы без ведома Литвинова³⁹. Действительно ли это так, а главное, действительно ли между Литвиновым и Сталиным существовало по этому поводу реальное разногласие или речь идет просто о проблемах согласования или даже разделении труда, — неизвестно. По крайней мере, Литвинов выразил в разговоре с послом фон Дирксеном 17 октября 1933 г. удивительно большое сочувствие немецкой политике в связи с выходом из Лиги Наций и уходом с международной конференции по разоружению⁴⁰. Таким образом, налицо попытки завязать отношения с новым режимом в Берлине.

Однако советская политика по отношению к Германии была явно неоднозначной и никоим образом не определялась соображениями морали. Об этом можно, конечно, пожалеть, но в этом она принципиально не отличалась от поведения других государств. Советский Союз (Сталин) стремился учитывать в отношениях с Германией собственные интересы, а не упражняться в псевдопротестах, с одной стороны, или в «попытках подольститься» — с другой, как это получается у Сергея Случа. Торговые отношения сохранялись, поскольку были выгодны обеим сторонам, личной критики избегали, но в важных делах проявляли твердость. В частности, советские документы по поводу конфликта из-за допуска советских корреспондентов на Лейпцигский процесс о поджоге Рейхстага осенью 1933 г. показывают, что в Политбюро не только приняли ответные меры в отношении представителей национал-социалистической прессы в Москве, но и готовы были выслать всех немецких корреспондентов. Литвинов уладил это дело в Берлине в беседе с министром иностранных дел Нейратом и лично отсоветовал Москве требовать от немцев публичных извинений. Рекомендацию Литвинова приняли, однако решили не отказываться от высказывания собственного отношения к процессу в советской прессе, хотя из соображений политического такта сознательно избегали называть по имени отдельных лидеров НСДАП. Для этого даже создали специальную комиссию по контролю над прессой⁴¹.

33. Zeidler, Reichswehr und Rote Armee, S. 283–307; Горлов С. А., Совершенно секретно. С. 285–310.

34. Бломберг Ворошилову, 29. 9. 1933. См.: Dyakov/Bushueva, Red Army, P. 308.

35. Haslam, Struggle for Collective Security, P. 11. См.: Документы внешней политики СССР. Т. 16. С. 814.

36. См. документ № 12 в настоящем издании.

37. Так выразился Литвинов в разговоре с министром иностранных дел Нейратом 29 марта 1933 г. См. документ № 10 в настоящем издании.

38. Slutsch, Stalin und Hitler. S. 63. Аналогичной точки зрения придерживается Александр Некрич. Он тоже считает, что Сталин вел двойную игру: с одной стороны, «официальная» политика сближения с Францией и ее союзниками, с другой — «неофициальная» (настоящая) политика стремления к сотрудничеству с фашистской Германией. A. Nekrich, *Pariahs, Partners, Predators: German-Soviet relations, 1922–1941*. New York 1997, P. 63–101.

39. Pietrow, Stalinismus. S. 39–41.

40. Slutsch, Stalin und Hitler. S. 63–64.

41. См. документы № 15–30 в настоящем издании.

В последующие месяцы продолжались резкие ответы советской стороны на немецкие выходы против Советского Союза и его представителей⁴². От некоторых протестов воздерживались, чтобы не поставить под угрозу другие цели, прежде всего переговоры по торговле и кредитам, а также поставкам вооружений. Это касалось, к примеру, антисоветских высказываний Рудольфа Гесса в Данциге в начале апреля 1935 г. и выходок ведущих представителей НСДАП на съезде НСДАП в Нюрнберге в сентябре 1935 г. министр иностранных дел Литвинов каждый раз предлагал заявить протест, но Политбюро отклоняло его предложения по рекомендации заместителя Литвинова Крестинского, который разъяснил 16 сентября 1935 г., что пользы от протеста будет меньше, чем вреда, и сослался на то, что в Нюрнберге не раздавалось личных нападок ни на кого из советских руководителей. Отклонение протестов было непосредственно связано с решениями по ожидавшимся от Германии кредитам или поставкам⁴³.

В интерпретации резких критиков сталинской политики протесты Москвы приобретают характер чистого очковитательства. Так, отказ от протеста по поводу съезда НСДАП в Нюрнберге в 1936 г., несмотря на повторное предложение Литвинова, Слущ находит «странным» и видит в нем также признак двойной игры⁴⁴, однако никакими источниками это не подтверждает. В той же мере упрек в двойной игре и очковитательстве можно было бы адресовать и всем остальным европейским правительствам, которые относились к национал-социализму и его внешней политике, мягко говоря, без восторга, протестовали против некоторых его мер и все же пытались найти некий способ мирного сосуществования с Третьим рейхом. Не будем говорить о малодушной реакции держав-победительниц на нарушение Германией военных статей Версальского договора, включая оккупацию Рейнской области и возврат к воинской повинности.

Отнюдь не все историки, специально занимавшиеся внешней политикой Советского Союза и его отношениями с Германией в 1930-е годы, согласны с суждениями Такера, Случа и Некрича.

Такие ученые, как Ханс-Адольф Якобсен, Бьянка Пьетров, Джонатан Хаслам, Тедди Ульдрикс, Лев Безыменский и др., видят в советской политике «коллективной безопасности» адаптацию к реальным условиям⁴⁵. Джонатан Хаслам считает, что советская внешняя политика с момента захвата власти Гитлером вообще вошла в «прозападную» фазу, и предполагает, что Кремль всерьез стремился к «коллективной безопасности». Немецко-польское сближение, выразившееся в пакте о ненападении, подписанном 26 января 1934 г., усиливало, считает Хаслам, стремление СССР к успешному осуществлению этой политики⁴⁶. При этом он рассматривает достижения «коллективной безопасности» весьма трезво, не видя в ней больших перспектив. Вероятно, он переоценивает личное влияние Литвинова на эту политику и ее «бескомпромиссное осуществление» до 1939 г., однако Сталин, бесспорно, нуждался в профессиональных качествах Литвинова. Тем не менее можно согласиться с тезисом Хаслама о том, что неуклонная враждебность Третьего рейха к Советскому Союзу, обрекавшая на неудачу все попытки сближения, была лучшей союзницей Литвинова и его концепции «коллективной безопасности». Сталин как «реалист» не закрывал на это глаза и стремился к успеху такой политики, даже если считал ее всего лишь меньшим злом, которому просто не было альтернативы, — полагает британский исследователь⁴⁷.

Многие авторы согласны, что Сталин лично принимал большое участие в развитии отношений с Германией. Непосредственно от него исходило несколько попыток улучшить отношения с Третьим рейхом, причем моральные сомнения, судя по всему, его не беспокоили. В этой связи действительно заметна разница во взглядах Сталина и Литвинова, которая, однако, не перерастала в серьезное противостояние. Учитывая советскую субординацию, настоящий конфликт в любом случае был невозможен, что рельефно показала миссия Канделаки. Она представляет собой самую серьезную попытку установления контактов с руководством Третьего рейха до пакта о ненападении⁴⁸.

42. См., например, проект комментария для газеты «Известия», который заместитель наркома иностранных дел Крестинский послал 19. 5. 1934 г. Сталину: документ № 41 в настоящем издании.

43. См.: Литвинов — Сталину, 7. 4. 1935 г.; Крестинский — Сталину, 16. 9. 1935 г.; выписки из протоколов заседаний Политбюро 7. 4. и 19. 9. 1935 г. — документы № 62–63, 72–73 в настоящем собрании.

44. Slutsch, Stalin und Hitler. S. 69–70.

45. H.-A. Jacobsen, Primat der Sicherheit. In: D. Geyer (Hg.), Sowjetunion. Aussenpolitik 1917–1955. Köln 1972. S. 213–269; B. Pietrow, Stalinismus, Sicherheit, Offensive. Das Dritte Reich in der Konzeption der sowjetischen Aussenpolitik 1933 bis 1941. Melsungen 1983; J. Haslam, Haslam, The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–39. London 1984; Ульдрикс Т. Дж., Политика безопасности СССР в 1930-е гг. // Советская внешняя политика в ретроспективе 1917–1991. М., 1993. См. также: G. Roberts, The Soviet Union and the Origins of the Second World War. London 1995.

46. Haslam, Struggle for Collective Security, P. 36.

47. Slutsch, Stalin und Hitler, S. 64; Haslam, Foreign Policy, P. 19.

48. См. многочисленные документы в настоящем издании, а также: Besymenski, Stalin und Hitler, S. 62–88; Nekrich, Pariahs, S. 87–101, и литературу, указанную у Slutsch, Stalin und Hitler, S. 66.

Давид Канделаки, своего рода «человек со стороны» в дипломатической службе, стал в декабре 1934 г. руководителем советского торгпредства в Берлине и явно пользовался доверием Сталина. В 1937 г. он был отозван обратно в Москву. Торговые взаимоотношения в 1933–1934 гг. развивались очень хорошо, однако наметилось ухудшение⁴⁹. В этой ситуации Канделаки решением Политбюро было поручено с 5 декабря 1934 г. вести в Берлине переговоры о торговле и кредитах⁵⁰. Примечательно, что аппарат ЦК и комиссии, где заседали важнейшие наркомы, в мельчайших подробностях информировали Сталина о ходе переговоров, а Политбюро не только принимало принципиальные решения, но и занималось составлением советских заявок на основании немецких кредитов вплоть до отдельных компрессоров и станков⁵¹.

Благодаря своим контактам с Хьялмаром Шахтом и его референтом Гербертом Герингом, двоюродным братом Германа Геринга, Канделаки пытался улучшить не только торговые, но и политические отношения. Сталин, безусловно, поощрял попытки Канделаки и придавал этому аспекту его деятельности большое значение. Литвинов, дабы Канделаки «в своем рвении мирить нас с Германией не наговорил лишнего», как он не без высокомерия выразился, сочинил для новичка в дипломатии «шпаргалку». В ней говорилось, что о существенных разговорах Канделаки должен немедленно информировать советского посла в Берлине⁵². Сталин одобрил указания Литвинова, однако потребовал информировать не посла, а непосредственно ЦК, то есть его самого. Канделаки несколько раз пользовался этим правом непосредственной связи, но организованные им контакты с Герингом не принесли желаемых результатов⁵³.

Литвинов в целом скептически смотрел

на возможность успеха и рекомендовал Сталину более сдержанно относиться к торговле с Германией, чтобы не слишком сильно поддерживать немецкий фашизм, «который сейчас сталкивается с огромными трудностями в области экономики»⁵⁴. Но Сталин придерживался другого мнения. Его явно не пугали идеологические противоречия с национал-социализмом и внешнеполитические претензии последнего⁵⁵. Тем не менее указания давались Канделаки после согласования вопроса с Литвиновым, а не за его спиной. Решено было удовлетвориться рекомендованным Литвиновым кредитом, не превышающим 200 миллионов марок. Советская сторона ни в коей мере не хотела поступаться своими экономическими интересами в угоду улучшения политических отношений⁵⁶. Поэтому Политбюро проявляло уступчивость в отношении финансовых условий немецких кредитов, но не заключать договора, если немецкая сторона потребует ограничить поставки⁵⁷. В указании наркома внешней торговли, полученном Канделаки в феврале 1935 г., говорилось: «Нас совершенно не пугает последнее распоряжение немцев и их наступательная политика, ибо они в нас нуждаются больше, чем мы в них. Если немцы думают пойти на торговую войну с нами, они, вскоре убедятся, что в проигрыше останутся они, а не мы». И далее: «Четвертое: если немцы не примут этих условий, заявите, что мы откажемся от предлагаемых нам пятилетних кредитов на 200 миллионов марок, не берем на себя обязательства относительно размещения каких бы то ни было текущих заказов, уплату же за наш экспорт будем требовать в девизах, а платежи по задолженности Германии будем производить лишь в таких размерах, в каких это будет возможно при условии конъюнктуры». Эта позиция была подтверждена решением Политбюро от 3 марта 1935 г.⁵⁸

49. H. Schwendemann, Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941. Berlin 1993; D. S. McMurry, Deutschland und die Sowjetunion 1933–1936. Ideologie, Machtpolitik und Wirtschaftsbeziehungen. Köln 1979. См. также: R.-D. Müller, Das Tor zur Weltmacht. Die Bedeutung der Sowjetunion für die deutsche Wirtschafts- und Rüstungspolitik zwischen den Weltkriegen. Boppard 1984.
50. Выдержка из протокола заседания Политбюро от 5. 12. 1934 г. См. документ № 50 в настоящем издании.
51. Соответствующие документы архива Сталина не могут быть помещены здесь из соображений объема. Однако см., например, телеграмму Сталина ЦК ВКП(б) от 14.9.1934 г. в приложении к протоколу заседания Политбюро от 15. 9. 1934 г. — документ № 46 в настоящем издании, а также решения Политбюро от 28. 12. 1934 г., 27. 4. 4. 5. 19. 9. 1935 г., — документы № 51, 65–66, 73.
52. Литвинов — Сталину, 5. 5. 1935 г. См. документ № 67 в настоящем издании.
53. Канделаки — Сталину, 3. 9. 1935 г. и 20. 10. 1936 г., Канделаки — Сталину, Молотову и Розенгольцу, 18. 12. 1935, 20. 1., 28. 8. 1936 г., 17. 3. 1937 г. См. документы № 71, 76, 78, 84, 85, 89 в настоящем издании.
54. Литвинов — Сталину, 3. 12. 1935 // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 211–212. Ср.: Slutsch, Stalin, S. 68–69, и Литвинов — Сурицу, 4. 12. 1935, цит. по: Besymenski, Stalin und Hitler, S. 78.
55. Slutsch, Stalin und Hitler, S. 69.
56. См. постановление Политбюро от 28 декабря 1934 г. о заявке на обещанный Германией кредит в размере более 200 миллионов марок — документ № 51 в настоящем издании.
57. Выписка из протокола заседания Политбюро от 3. 9. 1934 г. См. документ № 44 в настоящем издании.
58. См.: Розенгольц — Канделаки, февраль 1935 г., и выписка из протокола № 22 заседания Политбюро от 3 марта 1935 г. — документы № 55, 57 в настоящем издании.

Действительно, Сталин не хотел из-за протеста против антисоветских высказываний Рудольфа Гесса в Данциге подвергать риску наконец-то достигнутые договоренности о поставках, и поэтому Политбюро отклонило 7 апреля 1935 г. соответствующее предложение Литвинова⁵⁹. Но совершенно ясно, что эта дипломатическая мера была направлена на обеспечение немецких поставок, а не на завязывание политических отношений, даже если при этом и бралось в расчет желание не мешать предпринятым Канделаки попыткам. И, напротив, немецкому правительству без всяких колебаний предъявлялся ультиматум, когда оно не хотело выполнять своих обязательств по поставкам, как, например, в случае дальномеров фирмы Цейс в апреле 1937 г. Нарком Аркадий Розенгольц с гордостью докладывал: «Наша угроза прекратить выполнение договоров в Германии по нефти и марганцевой руде подействовала, и немецкое правительство отменило запрещение на вывоз дальномеров Цейса. По имеющейся информации Шахт докладывал этот вопрос лично Гитлеру и Герингу»⁶⁰.

Миссия Канделаки — свидетельство того, что советское правительство заботилось в первую очередь о важных оборонных поставках, а желание в целом улучшить отношения с Германией играло подчиненную роль⁶¹. Кроме того, эта миссия свидетельствует о прямом вмешательстве Сталина в политику по отношению к Германии, в чем и раньше практически не было сомнений. В расстреле Канделаки в 1938 г. можно найти «таинственный» смысл: он как будто пострадал за излишнюю осведомленность. Однако следственное дело в архиве ФСБ не дает оснований усматривать в его гибели «германский» подтекст. Канделаки «попал» под общую волну репрессий в Наркомате внешней торговли⁶².

Вмешательство Сталина недвусмысленно показывает: дело не в том, что Литвинов проводил «официальную» политику, а генсек — «неофициальную», а в том, что Сталин иногда хотел от официальной политики других акцентов или нюансов. Джонатан Хаслам с полным правом подчеркивает, что Литвинов никогда не имел

возможности проводить внешнюю политику по своему разумению, и уж тем более по отношению к Германии. Но вопрос о том, исходила ли заинтересованность в улучшении советско-германских отношений в 1933–1941 гг. от Сталина лично или в целом от советской стороны, как настаивает Случ, остается в отношении пакта о ненападении открытым⁶³. Аргументы Случа направлены в данном случае, хотя он не говорит об этом прямо, главным образом против решительного утверждения немецкого историка Ингеборг Фляйшхауэр, будто заключение советско-германского пакта о ненападении восходит к инициативе немецких дипломатов⁶⁴.

Действительно, тезис Фляйшхауэр, что Сталин хотел этим договором предотвратить нападение Германии на Польшу, малопродуктивен⁶⁵. Но в отношении подготовки советско-германского пакта исследовательница внесла важную поправку. Прежде в западной науке существовало общепринятое утверждение, что инициатива при подготовке пакта принадлежала советской стороне⁶⁶. Если судить непредвзято, то оказывается, что истина лежит где-то посередине. До Мюнхена, несомненно, именно советская сторона под давлением Сталина постоянно стремилась к улучшению отношений с Германией, но безуспешно. При этом Советский Союз никоим образом не подчинял свои экономические и оборонные интересы надеждам на политическую разрядку. Однако именно Берлин с весны 1939 г. был заинтересован как по военным, так и по внешнеполитическим причинам в улучшении отношений с СССР. Обе стороны предпринимали шаги к сближению. Тем не менее советская сторона вовсе не готова была односторонне платить «очень высокую цену», и шаги навстречу Германии отнюдь не означают, что переговоры Сталина с Англией и Францией в 1939 г. велись лишь для вида или по тактическим соображениям.

Вплоть до весны 1939 г. советской политике не оставалось ничего другого, как опираться на двух- и многосторонние договоры в рамках концепции «коллективной безопасности». Это должно было способствовать укреплению территориального status quo, ограничить экспанси-

59. См.: Литвинов — Сталину, 7. 4. 1935 г., и выписка из протокола № 24 заседания Политбюро в тот же день — документы № 62, 64 в настоящем издании.

60. Розенгольц — Сталину, Молотову, 22. 4. 1937 г., Розенгольц — Сталину, Молотову и др., 5. 5. 1937 г. — документы № 90–91.

61. См.: Потемкин — Сталину, 7. 10. 1937 г. — документ № 93. О судьбе немецких консульств в Советском Союзе на примере Новосибирска см.: L. & S. Belkovec, *Gescheiterte Hoffnungen. Das deutsche Konsulat in Sibirien 1923–1938*. Essen 2004, S. 97–123.

62. Мы признательны ФСБ РФ за эту информацию.

63. Haslam, *Foreign Policy*, P. 19; Slutsch, *Stalin und Hitler*, S. 87.

64. См.: I. Fleischhauer, *Der Pakt*. Berlin 1990.

65. I. Fleischhauer, *Der Pakt*, S. 433–436.

66. См., например: A. Hillgruber, *Der Zweite Weltkrieg, 1939–1945*. In: D. Geyer (Hg.), *Sowjetunion. Aussenpolitik 1917–1955*. Köln 1972, S. 275–282; D. C. Watt, *The Initiation of the Negotiations Leading to the Nazi-Soviet Pact: A Historical Problem*. In: C. Abramsky (Ed.), *Essays in Honour of E. H. Carr*. London 1974. P. 152–165.

онизм Третьего рейха и предотвратить создание единого фронта против Советского Союза. Мы не можем проследить здесь за каждым шагом советского руководства. Некоторые опубликованные документы показывают, что Политбюро серьезно занималось этими вопросами, а не вело, наряду с «официальной» политикой, еще и «неофициальную»⁶⁷. По ним, как и по документам Архива Президента, можно судить о том, что Советский Союз был всегда готов улучшить отношения с Германией или включить их в политику «коллективной безопасности», однако не хотел открыто выступать против Третьего рейха, как и против Италии⁶⁸.

По крайней мере, советская сторона не желала выступать более открыто, чем два гаранта Версальского порядка в Европе — Франция и Англия. Именно эти державы постоянно показывали, что не готовы решительно выступить против Германии — ни сами по себе, ни в союзе с СССР. Германия уже пренебрегла всеми ограничениями Версальского договора по вооружениям, так и не встретив настоящего сопротивления со стороны победителей. Гражданская война в Испании вновь показала изоляцию СССР и нерешительность Франции и Англии⁶⁹. Реакция на «аншлюс» Австрии в марте 1938 г. еще раз подтвердила это.

«Мюнхен» и политика «коллективной безопасности»

С советской стороны было непонятно, где проходят границы уступчивости западных держав. Пробным камнем стал Судетский кризис. С Францией, а через некоторое время с Чехословакией Советский Союз заключил в мае 1935 г. практически одинаковые договоры о взаимопомощи. Единственная разница в договоре с Чехословакией заключалась в том, что обязательства взаимной помощи между СССР и Чехословакией вступали в силу лишь после

того, как Франция окажет военную помощь подвергшейся нападению стороне. Эта оговорка была внесена в договор по желанию Чехословакии из недоверия к Советскому Союзу. Чешское руководство хотело оградить себя как от обязанности нежелательной помощи, так и от возможной непрошеной помощи со стороны Советского Союза⁷⁰. Этим соображениям предстояло сыграть важнейшую роль в разразившемся спустя три года кризисе, хотя сама оговорка в новых обстоятельствах выглядела так, как будто ее добивалась советская сторона⁷¹. Было также ясно, что Бенеш не хочет подчиняться требованию Германии уступить ей целиком Судетскую область и что Советский Союз обеспокоен возможной экспансией Германии в восточном направлении. Однако требования немцев встретили и понимание, особенно у британского руководства. Вопрос состоял в том, в какой степени западные державы в рамках «политики умиротворения» («appeasement») пойдут навстречу требованиям Германии и в какой степени Чехословакия будет готова с этим согласиться⁷².

Из Москвы пражское руководство постоянно получало заверения в поддержке. Британская «политика умиротворения», одержавшая верх 29 сентября 1938 г. в Мюнхене, не дала осуществиться договору о взаимопомощи: ни Чехословакия, ни Советский Союз не были допущены к обсуждению решений. Несомненно, в Англии и Франции недооценивали опасность, исходящую от Гитлера. Также ясно, что с британской стороны существовали почти непреодолимые, а с французской и чешской значительные идеологические барьеры против объединения с Советским Союзом⁷³. Этим предубеждениям придавало силу и то обстоятельство, что на волне внутренних репрессий СССР не воспринимался как серьезная военная сила⁷⁴. И по сей день остается неизвестным, вмешался ли бы Советский Союз и как именно, если бы Франция выполнила свои обязательства

67. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа... С. 305–370.

68. Ср., например, реакцию на антикоминтерновский пакт, особенно на вступление в него Италии. См.: Там же. Введение М.М. Наринского. С. 302–303.

69. См.: E. Jill, *The British Government and the Spanish Civil War, 1936–1939*. London 1979; D. Little, *Red Scare, 1936: Anti-Bolshevism and the Origins of British Non-intervention in the Spanish Civil War*, In: *Journal of Contemporary History* 1988, № 23, P. 291–311.

70. Подробнее см.: I. Pfaff, *Die Sowjetunion und die Verteidigung der Tschechoslowakei 1934–1938. Versuch der Revision einer Legende*. Köln 1996, S. 57–85.

71. Поэтому Пфафф в заключение говорит о ней как об «инспирированной» Советским Союзом: Pfaff, *Verteidigung*, S. 475–476.

72. См. также: W. Mommsen/L. Kettenacker (Eds.), *The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement*. London 1983.

73. Подробнее об этом см.: G. Niedhart, *Der Bündniswert der Sowjetunion im Urteil Grossbritanniens 1936–1939*. In: *Militär-geschichtliche Mitteilungen* 1971, № 2, S. 55–67; Jacobsen, *Primat der Sicherheit*, S. 255; Haslam, *Struggle*, P. 169; H. Bartel, *Frankreich und die Sowjetunion 1938–1940*. Stuttgart 1986, S. 210; M. Kraus, *The Diplomacy of Edward Beneš: Munich and Its Aftermath*. In: M. Latynski (Ed.), *Reappraising the Munich Pact. Continental Perspectives*. Washington, DC, 1992. P. 61–78; J. Hochmann, *The Soviet Union and the Failure of Collective Security, 1934–1938*. Ithaca and London 1984.

74. Впрочем, в Великобритании отдельные историки достаточно убедительно показывают, что этот аргумент не играл особой роли в политике Лондона. Правительство Чемберлена, одержимое антисоветскими предрассудками, в принципе не желало какого-либо конструктивного диалога с СССР. При этом «вклад» Чемберлена рассматривается как решающий. См.: L. G. Shaw, *The British Political Elite and the Soviet Union, 1937–1939*. London 2003.

по взаимопомощи или если бы Лига Наций приняла соответствующие санкции. На запрос из Праги 19 сентября 1938 г. советское руководство ответило положительно — но в предусмотренных рамках: было обещано выполнение договора при условии вмешательства Франции и поддержке в Лиге Наций, если Чехословакия обратится к ней в соответствии со статьями 16 и 17⁷⁵. Проверить эти обещания на деле так и не пришлось. 30 сентября в 17.00 Бенеш срочно запросил Москву: как относится СССР к альтернативе — война или капитуляция, перед которой поставлена Чехословакия, поскольку великие державы принесли ее в жертву Гитлеру? Советскому правительству давалось 1–2 часа на ответ⁷⁶. Однако этот ответ так и не поступил — и не должен был поступить, поскольку Бенеш уже через 45 минут, то есть до истечения назначенного им самим срока, отозвал запрос: пражское правительство тем временем уже приняло мюнхенский ультиматум⁷⁷. В тот же день, 30 сентября, в 21.30 советский посол докладывал о причинах, по которым пражское руководство решило принять условия Мюнхена, а не просить советской помощи: у Чехословакии не хватает аэропортов для достаточной поддержки со стороны советской авиации, а помощь Красной армии возможна лишь через несколько дней, когда чешские войска уже могут быть разбиты⁷⁸. Это, разумеется, второстепенные соображения, а основанием для решения являлся страх перед последствиями односторонней помощи со стороны Советского Союза, что и подтвердил позднее посол Александров.

Некоторые историки, не будучи знакомы с оригиналами, называют опубликованные документы фальшивкой, изобретенной для спасения чести Советского Союза⁷⁹. Это, конечно, перебор. Однако, если отрешиться от полемики запала, можно отметить, что источники рисуют довольно противоречивую картину.

С одной стороны, многие современники высказывали противоположные мнения и с крайним недоверием относились к целям и возможностям Советского Союза. С другой стороны, из этих же документов явствует, что Москва имела все основания не доверять западным державам и Праге. Это хотя и не доказывает со всей определенностью, что Советский Союз не хотел вмешиваться в военный конфликт вокруг Чехословакии, но делает такое нежелание вполне вероятным. Открытым остается вопрос о том, что бы делал Советский Союз при наступлении обстоятельств, предусмотренных договором, то есть в случае вмешательства Франции. Известные подготовительные мероприятия Советского Союза не могут служить доказательством намерения вступить именно за Чехословакию, а скорее должны быть поняты как общие меры предосторожности, в первую очередь против Польши, и не только из-за ее претензий на чешскую территорию⁸⁰. Польша с советской точки зрения еще воспринималась как потенциальный союзник Третьего рейха. Для конкретного военного вмешательства СССР Чехословакии необходимо было получить право прохода войск через Польшу и Румынию. С Румынией велись по этому поводу переговоры, но их результаты не отвечали реальным потребностям Красной армии⁸¹. Скорой и эффективной помощи Советский Союз оказать не мог, даже если бы и хотел. Правда, Хрущев рассказывает в своих воспоминаниях, что войска Киевского особого военного округа (КОВО) готовы были силой прорываться через территорию Польши, но это еще не доказывает, что Сталин действительно отдал бы соответствующий приказ⁸².

Совершенно невозможно себе представить, чтобы Советский Союз в одностороннем порядке выступил против Германии. Это противоречило бы общей осторожной линии поведения СССР в 1930-е годы. В литературе встречается

75. Об этом см. также: Потемкин — Александровскому, 20. 9. 1938 г. // ДВП. Т. XXI. № 356. С. 500; соответствующее решение Политбюро от того же числа: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Док. № 271. С. 363.

76. Александровский — в НКВД, 30. 9. 1938 г. // ДВП. Т. XXI. Док. № 393. С. 548–549.

77. Александровский — в НКВД, 30. 9. 1938 г. // ДВП. Т. XXI. Док. № 394. С. 549.

78. Эта телеграмма упоминается, но не цитируется. См.: Александровский — НКВДу, 30. 9. 1938 г. // ДВП. Т. XXI. Док. № 399. С. 552. Ср. также: Haslam, *Struggle*, P. 193.

79. I. Pfaff, *Die Sowjetunion und die Verteidigung der Tschechoslowakei 1934–1938. Versuch der Revision einer Legende*. Köln 1996, S. 443–446. Темпераментная аргументация Пфаффа обращена прежде всего против старого тезиса коммунистического происхождения, будто «Советский Союз в 1938 г. был единственной страной, готовой оказать военную помощь Чехословакии против гитлеровской агрессии, причем, несмотря на неказание помощи Францией». Но при этом Пфафф осуждает целиком и западную историческую литературу, например Ханса-Адольфа Якобсена, который будто бы некритически заимствовал «все, что говорится в советской и коммунистической литературе». В советских публикациях Пфафф подозревает не только искажающую избирательность, но и настоящую подделку. См.: Pfaff, *Verteidigung*, S. 5, 10–13. Мы не можем здесь разбирать отдельные утверждения Пфаффа. Сошлемся лишь на то, что Якобсен (Jacobsen, *Primat*, S. 254) весьма критически относится к утверждению о намерении Советского Союза оказать реальную помощь.

80. Pfaff, *Verteidigung*, S. 419–424; Haslam, *Struggle for Collective Security*, P. 189, 192–194; Jacobsen, *Primat*, S. 254.

81. Pfaff, *Verteidigung*, S. 387–405. См. также: Besymenski, *Stalin und Hitler*, S. 116–118.

82. Хрущев Н. С. *Время. Люди. Власть. Воспоминания*: В 4-х т. М., 1999. Т. 1. С. 224–225.

утверждение, будто заместитель наркома иностранных дел Потемкин намекнул на возможность или даже прямо обещал советскую военную помощь и без вмешательства Франции и постановления Лиги Наций⁸³. Однако это не соответствует фактам, зафиксированным в советских документах. Тезис о готовности Советского Союза к односторонней военной помощи — если речь не идет о малоубедительной пропаганде руководства КПЧ — восходит к рассказам Бенеша и посла Чехословакии в Москве Фирлингера⁸⁴. Последний весьма широко истолковал слова Потемкина 20 сентября 1938 г. о позиции советского руководства в отношении Праги, услышав в них то, что хотел услышать, — и, видимо, в таком духе передал их французскому послу Кулондру⁸⁵. Этим Фирлингер вызвал чрезвычайное недовольство в Кремле. Поэтому Потемкин 23 сентября говорил с ним в достаточно нелицеприятных тонах. Фирлингер извинился и заверил, что его толкование «объясняется самыми лучшими намерениями».

Резкая реакция советской стороны объясняется опасением быть втянутой в войну против Германии без союзников, что подтверждают и документы из Архива Президента. Литвинов решительнее всех выступал за твердую позицию Советского Союза и за солидарность с Англией и Францией. Но, когда он в телеграмме Сталину 23 сентября предложил объявить частичную мобилизацию советских вооруженных сил и развязать такую кампанию в прессе, чтобы Гитлер и Бек всерьез поверили в угрозу войны, Сталин пометил на полях телеграммы коротко и ясно: «Нет!»⁸⁶ И это соответствует линии, выдерживавшейся на протяжении всего кризиса: не допускать ни малейших сомнений в своей готовности выполнить обязательства по советско-чехословацкому договору о взаимопомощи или решения Лиги Наций, и в то же время избегать всяких открытых выступлений. Поэтому Литвинов в тот же день разъяснил в Женеве своим британским собеседникам — де ла Варру и Батлеру, что Советский Союз ни в коем случае не станет действовать раньше Франции⁸⁷.

Ввиду того, что Англия и Франция всем своим поведением во время кризиса показывали, что не принимают Советский Союз как равноправного партнера, Москва все меньше и меньше

была готова на совместные действия с западными державами, резонно опасаясь, что ее подставят и Советский Союз окажется в результате один против Германии. Когда Литвинов 23 сентября 1938 г. доложил из Женевы о соответствующей беседе с представителями Британии и попросил указаний на случай, если для обсуждения чехословацкого вопроса будет созвана конференция трех государств — Англии, Франции и Советского Союза, которую он изначально сам же и предложил, из Москвы сначала ответили, что, поскольку Англия и Франция до сих пор игнорировали СССР, маловероятно, что они пригласят его на общую конференцию⁸⁸. Затем, 25 сентября, Потемкин, несомненно по согласованию со Сталиным, составил проект ответа, предполагавшего советское участие при двух условиях: 1. Советский Союз должен принимать участие во всех подобных конференциях; 2. Англия и Франция не будут вести сепаратных переговоров по этому вопросу ни с Германией, ни с Чехословакией. Проект телеграммы был передан Сталину, членам Политбюро и Литвинову, но, судя по всему, она так и не была отослана. Британская политика выбрала другую альтернативу — попытку «сдерживания» Гитлера путем переговоров с ним без участия Советского Союза. Лондон отклонил проект конференции с участием СССР, ссылаясь в том числе и на ожидаемое неприятие этого участия Гитлером⁸⁹.

Судетский кризис предвосхитил многое, что потом повторилось в 1939 г., но уже в условиях прямых переговоров между Великобританией, Англией и Советским Союзом. Опыт Мюнхена сыграл роковую роль. Ведь Сталин и советское руководство в целом теперь с еще большим недоверием относились к Франции и прежде всего к Англии, окончательно убедившись, что антикоммунизм и неприятие Советского Союза в них сильнее, чем страх перед экспансионизмом Гитлера. Александровский, советский посол в Праге, подтвердил это в телеграмме Сталину от 1 октября 1938 г. Он подробно пересказал мотивы, побудившие чешское правительство подчиниться диктату Мюнхена: «Гитлеру удалось убедить Чемберлена и Даладье, что в данной ситуации большую опасность для мира в Европе представляет не он, а СССР, который объективно является большевистским форпос-

83. Pietrow, Stalinismus, S. 59; Jacobsen, Primat, S. 254. Приведенные Якобсеном документы подтверждают лишь постановление Политбюро от 20 сентября. Более осторожно Haslam, Struggle, P. 189.

84. Pfaff, Verteidigung, S. 371–374. Besymenski, Stalin und Hitler, S. 116.

85. Кулондр — Бонне, 22. 9. 1938 г. // Documents diplomatiques français. 1932–1939. 2e série. T. XI, № 292, P. 446–447.

86. Без сталинской пометки на полях см.: Литвинов — Сталину, 23. 9. 1938 г. // Документы внешней политики. Т. XXI. Док. № 369. С. 520.

87. Литвинов — НКВДу, 23. 9. 1938 г. // ДВП. Т. XXI. № 370. С. 520–522; Haslam, Struggle, P. 188.

88. Haslam, Struggle, P. 188.

89. Pfaff, Verteidigung, S. 416, 436–440.

том и может сыграть роковую роль поджигателя новой войны». Это убеждение «явилось не формальным, но фактическим основанием для создания блока четырех против СССР. Если Чехословакия сегодня будет сопротивляться и из-за этого начнется война, то она сразу превратится в войну СССР со всей Европой. Возможно, что СССР и победит, но Чехословакия так или иначе будет сметена и будет вычеркнута с карты Европы. Эти утверждения сыграли большую роль в деле принятия правительством прямого решения»⁹⁰. Аналогичные соображения лежат в основе анализа событий, который Александровский отослал в Москву несколькими днями позже. Здесь он еще раз подчеркнул, что Бенеш после 27 сентября действительно готов был втянуть Советский Союз в европейский конфликт и в то же время опасался социальной революции с своей стране в случае активного сопротивления Гитлеру.

Попытки Советского Союза найти общий язык с Францией и Англией, чтобы сдержать экспансионизм национал-социалистической Германии, потерпели крах. Это нашло подтверждение в резком, но вполне объяснимом заявлении ТАСС от 2 октября. Советский полпред в Лондоне Майский получил из Москвы сердитый выговор за свое некритическое, по мнению Сталина, отношение к «сотрудничеству» Англии и Франции с Советским Союзом⁹¹. Майский пытался оправдаться, а затем, в первых числах октября, запросил инструкции, как ему реагировать на вопросы об отношении Советского Союза к договору о взаимопомощи с Францией и к гарантии новых границ с Чехословакией. Литвинов ответил после обсуждения вопроса со Сталиным: «Полпред не обязан отвечать всем обращающимся к нему об основах политики своего правительства. Рекомендуем отделяться общими замечаниями, что советское правительство изучает новую обстановку, созданную событиями последнего времени».

Более холодный ответ трудно себе представить. Обстановка, «созданная событиями последнего времени», выглядела с точки зрения Москвы следующим образом: Англия и Франция явно не имели серьезного намерения в союзе с СССР остановить агрессивную немецкую поступь на восток, а антикоммунизм был общим идеологическим фундаментом западных держав и Третьего рейха. Тем самым политика «коллективной безопасности», с точки зрения

Советского Союза, полностью провалилась. Великобритания, очевидно, считала компромисс с Германией гораздо более перспективным подходом, чем сдерживание германского агрессора путем подчинения его действующим международным нормам и договорам при участии Кремля. СССР был явно изолирован и не принимался в расчет на международной арене, в чем в определенной мере сыграла свою роль и советская внешняя политика, постоянно колебавшаяся между риторикой мировой революции и традиционным дипломатическим поведением.

Советско-германское сближение 1939 года

Крушение политики «коллективной безопасности» обострило положение СССР на международной арене. На это Сталин и другие ораторы в дни празднования годовщины революции в ноябре 1938 г. и на XVIII съезде КПСС в марте 1939 г. откликнулись заявлениями о «второй империалистической войне», уже начатой «государствами-агрессорами», в то время как неагрессивные государства не оказали серьезно сопротивления⁹². Никто в Москве не мог быть уверен, что «неагрессивные государства» не будут продолжать политику «умиротворения» по отношению к «агрессорам» — Германии, Италии и Японии — вопреки интересам Советского Союза. Реакция западных держав на оккупацию Германией «остальной Чехии» 15 марта 1939 г. не обещала ничего хорошего. После Мюнхена Советскому Союзу не оставалось ничего другого, как искать новые пути и возможности воздействия на европейскую политику — посредством либо реального сотрудничества с Германией, либо убедительной угрозы такого сотрудничества. Ведь политика «коллективной безопасности» потерпела крах еще и потому, что Великобритания и Франция были слишком убеждены в непреодолимости противоречий между Советским Союзом и Третьим рейхом⁹³.

С весны 1939 г. началось нащупывание обоим путям, причем предпочтение отдавалось — по понятным, хотя и достаточно циничным причинам — реальному сотрудничеству с Третьим рейхом. Англия и Франция, которым Советский Союз предложил 17 апреля переговоры по поводу пакта о взаимопомощи, вели себя нере-

90. Александровский — в НКВД, 1. 10. 1938 г. // Год кризиса... Т. I. С. 35. Там же — архивные ссылки, которых не хватало Пфаффу. Ср. также: Pfaff, Verteidigung, S. 447.

91. Заявление ТАСС и Потемкин — Майскому, 3. 10. 1938 г. // Год кризиса... Т. 1. № 12, 15. С. 41, 44. См. также: ДВП. Т. XXI. С. 560.

92. Jacobsen, Primat, S. 256–269; A. Hillgruber, Der Zweite Weltkrieg, 1939–1945. In: D. Geyer (Hg.), Sowjetunion. Aussenpolitik 1955–1955. Köln 1972, S. 271; Fleischhauer, Pakt, S. 73.

93. Haslam, Struggle, P. 230; Shaw, The British Political Elite. P. 51–96.

шительно, придерживались выжидательной тактики и всем своим поведением во время переговоров весной и летом 1939 г. показывали, что рассматривают совещания с Москвой скорее как способ нажима на Германию, чем как шаги на пути к заключения договора с Советским Союзом. Германия должна была стать сговорчивее и осознать, что за ней нет надежного тыла. Для этого не требовалось формального договора с Советским Союзом. За всем этим стояло — как и в случае Мюнхена — опасение, что союз с Советами откроет путь в Европу социальной революции. Поэтому аргументы, которыми оперировала Москва в политических и военных переговорах, не являлись надуманными⁹⁴.

У Советского Союза были все основания не доверять Англии и Франции и настаивать на реальных гарантиях военного вмешательства в случае военного конфликта с Германией. Мюнхен, оккупация Чехословакии 15 марта 1939 г., неделей позже ультиматум Литве с требованием вернуть Мемельскую область и введение в Мемель немецких войск, территориальные претензии Германии к Польше — все это свидетельствовало, с одной стороны, о неукротимом экспансионизме Гитлера, с другой — о нерешительности и объективной неспособности Англии и Франции к действию. Никто не давал гарантий, что в случае экспансии Гитлера в восточном направлении западные державы пожелают и смогут действовать более энергично. Со второй половины апреля к Сталину стали поступать сведения о намерении Германии воевать с Польшей. 7 августа его проинформировали, что стягивание немецких войск к границе завершится к 15–20 августа, после чего следует ожидать военной операции⁹⁵. Для Лондона и Парижа готовность Гитлера к войне также не была тайной. На самый крайний случай западные державы могли предложить своим союзникам в Центральной и Восточной Европе лишь убежище для правительства в изгнании, что вскоре показала судьба Польши. «Странная» или «Сидячая война», «Phoney War», «Drôle de guerre» — так назывался тот род противостояния, на который оказались способны Англия и Франция после объявления войны 3 сентября 1939 г. Заключив союз с западными державами,

Советский Союз, наряду с непосредственно подвергшейся агрессии стороной, мог бы также быть втянут в войну и рисковал остаться один на один против Германии.

Таким образом, объективное положение и поведение Англии и Франции, несомненно, подталкивали Советский Союз к попыткам сближения с Германией, поскольку Москва хотела остаться в стороне от надвигающейся войны. Можно понять, почему советское руководство не приняло слишком близко к сердцу судьбу Польши. Ведь вплоть до Мюнхена Польша была, с советской точки зрения, скорее потенциальным союзником немецкой экспансии на восток, чем ее ближайшей жертвой. Позиция Польши начала меняться лишь весной 1939 г. Во всяком случае, поляки — по понятным, но совершенно не реалистическим соображениям — до последнего момента не хотели действенного союза с СССР, считая, что в этом нет необходимости⁹⁶.

Таковы были внешние предпосылки для заключения пакта о ненападении. Документы, собранные в секретариате Сталина и хранящиеся в Архиве Президента Российской Федерации, не заставляют нас заново переписать историю. Однако они во многом дополняют опубликованные источники, включая и немецкие материалы. Сошлемся, к примеру, на запись разговора Вайцзекера и Астахова от 2 июня 1939 г. (его немецкая версия не опубликована) или на крайне важные записи Астахова о беседах с советником посольства Шнурре и министром иностранных дел Риббентропом в июле–августе 1939 г. Эти документы яснее, чем соответствующие немецкие, показывают, до какой степени Советский Союз был заинтересован в поставках немецких оборонных товаров и как настойчиво немецкое правительство с конца июля 1939 г. добивалось политических договоренностей, делая поразительно конкретные предложения. По немецким источникам это не прослеживается. Так, заявление Риббентропа послу Шуленбургу, что 2 августа 1939 г. он беседовал с Астаховым «в спокойном тоне», «не выказывая никакой спешки», совершенно не соответствует впечатлению, которое вынес из разговора сам Астахов, и тому, что ему прямым текстом сообщил Шнурре⁹⁷.

94. Niedhart, Grossbritannien und die Sowjetunion, S. 390–43. Нидхарт считает, что в неудаче переговоров виноват в большей степени Советский Союз, в то время как Хаслам (Haslam, *Struggle*, P. 195–229) склонен приписывать вину англичанам. Подробнее см.: D. C. Watt, *How War Came. The Immediate Origins of the Second World War 1938–1939*. London 1989; Карлей М. Дж., 1939. Альянс, который не состоялся. М., 2005. См. также: J. Haslam, *Soviet-German Relations and the Origins of the Second World War: The Jury is Still Out*. In: *Journal of Modern History*, 1997, № 69. P. 785–797.

95. Slutsch, *Stalin und Hitler*, S. 80; B. Bonwetsch, *Vom Hitler — Stalin — Pakt zum «Unternehmen Barbarossa»*. In: *Osteuropa* 41.1991, S. 571.

96. О политике Польши см.: A. M. Cienciala, *Poland and the Western Powers, 1918–1939*. London 1968; A. J. Prazmowska, *Britain, Poland and the Eastern Front, 1939*. Cambridge 1987.

97. Риббентроп — Шуленбургу, 4. 8. 1939 г. // ADAP. Bd. VI. С. 884; Запись Шнурре от 3. 8. 1939 г. // Там же. С. 884–885. Запись Астахова от 3. 8. 1939 г. см. в документе № 136 настоящего издания.

Разница между советскими и немецкими записями не только в том, что они иначе представляют одни и те же обстоятельства⁹⁸, сколько в том, что в них содержатся дополнительные факты и оценки. С новыми документами из АП РФ мы начинаем лучше понимать происходившее, причем, как это ни удивительно, не только с советской стороны. Нужно отметить, что, за исключением кратких замечаний в воспоминаниях Хрущева, мы по-прежнему не имеем данных о каком-либо обсуждении вопроса советским руководством.

Нельзя не признать очевидного факта, что в попытке хотя бы ценой договоренности с гитлеровской Германией избавить Советский Союз от участия в войне были свои резоны. Тем более в том, что война надвигается, сомнений не было. Так, на прямой вопрос Сталина: «Пойдут на нас немцы или не пойдут?» специально вызванный в Кремль посол в Берлине Мерекалов на заседании Политбюро 21 апреля 1939 г. подтвердил в присутствии Литвинова, Потемкина и посла в Литве Крапивенцева агрессивные намерения Гитлера в том порядке, в котором они действительно были осуществлены: Польша, западные державы, а затем и Советский Союз⁹⁹. Потенциальные союзники, Англия и Франция, не могли в той ситуации ни предотвратить войну, ни оказать конкретную помощь в случае ее начала. Они не были способны даже гарантировать право прохода войск по территории их собственных союзников — Польши и Румынии. При этом судьба Советского Союза их мало интересовала.

Однако, помимо объективно вынужденного положения, сталинскую политику отличал и нескрываемый цинизм. Кремлевский вождь действовал абсолютно беззастенчиво: войну Гитлера с Польшей он принял как данность, из которой можно извлечь выгоду. До конца не ясно, действительно ли в тот же самый день, 17 апреля 1939 г., когда Молотов предложил союз правительствам Англии и Франции, советский посол в Берлине Мерекалов в беседе с государственным секретарем фон Вайцзеккером выразил надежду на нормализацию

и улучшение политических взаимоотношений и тем самым также сделал «предложение»¹⁰⁰. Несомненно, однако, что в Москве в эти недели начали конкретно обдумывать возможность союза с Германией.

Замена Литвинова на Молотова 3 мая 1939 г. традиционно рассматривается как перелом в советской внешней политике¹⁰¹. Примечательно, что архивное дело с документами по договору о ненападении от 23 августа 1939 г. начинается с телеграммы Терентьева, советского посла в Анкаре. 8 мая 1939 г. он встретился с немецким послом фон Папеном, который выразил сожаление в связи с «отсутствием сердечности» в советско-германских отношениях и подчеркнул, что «нет никаких вопросов, которые разделяли бы обе страны и создавали бы между ними противоречия». Папен хотел бы поддерживать с советским полпредом хорошие личные отношения. Однако советский дипломат отделался лишь «парой ничего незначащих слов относительно контакта, обычно поддерживаемого членами дипкорпуса»¹⁰².

Нарком Молотов отреагировал немедленным выговором. Отчет «показывает, что в отношении него Вы взяли неправильный тон. Вам надо было быть с ним таким же вежливым, как с французом или другим послом, не отворачиваться от него, выслушивать его заявления, если он их захочет сделать. Тогда Вы правильно выполните обязанности советского полпреда»¹⁰³. Сильно перепугавшись, посол Терентьев на следующий же день отправился к Папену с ответным визитом. В подробном отчете в Москву он представил поведение германского посланника уже в гораздо более положительных тонах. Он придал главное значение словам Папена о том, что «различие идеологий и режимов обеих стран не должно служить препятствием к сближению», «идеологии надо оставить в стороне и вернуться к Бисмарковским временам дружбы»¹⁰⁴.

20 мая 1939 г. Молотов недвусмысленно дал понять послу Шуленбургу, что экономические отношения обеих стран необходимо поставить на прочный политический фундамент. Для не-

98. Ср., например, запись беседы А. И. Микояна с Г. Хильгером 17. 6. 1939 г. в документе № 126 настоящего издания и запись Хильгера // ADAP, Bd. VI, S. 623–624.

99. Besymenski, Stalin und Hitler, S. 152–154. О присутствовавших см.: На приеме у Сталина. М., 2008. С. 257.

100. В этом пункте записи обеих сторон расходятся: запись разговора Мерекалова с Вайцзеккером, 17. 4. 1939 г. (ДВП. Т. XXII. С. 291–293), и запись Вайцзеккером того же разговора от 17. 4. 1939 г. (ADAP, Bd. VI, S. 291–292). Ср. Fleischhauer, Pakt, S. 140–153.

101. Подобные сообщения поступали в Москву от всех послов. См., например: Астахов — Молотову, 6. 5. 1939 г. // ДВП. Т. XXII. С. 339–341. См. также: G. Roberts, The Fall of Litvinov: A Revisionist View. In: Journal of Contemporary History, 1992, № 27, P. 639–657.

102. Телеграмма Терентьева от 8 мая 1939 г. См. документ № 117 в настоящем издании.

103. Молотов — Терентьеву, 9. 5. 1939 г. См. документ № 118 в настоящем издании.

104. Терентьев — Молотову, 10. 5. 1939 г. См. документ № 119 в настоящем издании. См. также более подробную запись второго разговора с фон Папеном (без указаний на возможное объяснение поведения Папена намерениями Берлина) от 9. 5. 1939 г. // ДВП. Т. XXII. С. 350–352.

мецкой стороны такой поворот в рамках переговоров о торговле и кредитах стал полной неожиданностью и достаточно откровенной попыткой давления¹⁰⁵. Однако советская сторона имела в виду не примитивную сделку в духе «сырье за политические уступки». Она настаивала на своем представлении о взаимовыгодных экономических отношениях и в следующие недели весьма сдержанно реагировала на настоятельные попытки Германии продолжить переговоры без конкретных уступок. В частности, Микоян резко сказал Густаву Хильгеру, передавшему 17 июня 1939 г. официальное немецкое предложение по экономическим договоренностям, что переговоры производят на него «неблагоприятное впечатление», поскольку немецкая сторона не основывается на советских предложениях от 26 февраля 1939 г. У него складывается впечатление, что немцы используют переговоры для «политической игры»¹⁰⁶. И лишь после того как немецкое руководство 7 июля во многих пунктах, включая согласие с подробными списками заказываемых оборонных товаров, пошло навстречу советским требованиям, дело сдвинулось с мертвой точки¹⁰⁷. 14 июля 1939 г. Политбюро утвердило директиву по конкретным экономическим переговорам и соглашениям¹⁰⁸. 22 июля ТАСС сообщило о возобновлении переговоров¹⁰⁹. В тот же день Вайцеккер официально уполномочил Шуленбурга возобновить прерванные 30 июня переговоры по политическим вопросам¹¹⁰.

Пакт

По сравнению с немецкими, советские документы отчетливее показывают, что именно германская сторона лихорадочно спешила, в то время как Москва реагировала благосклонно и в то же время выжидательно, желая сперва получить полное представление о намерениях немцев. Сталин внимательно следил за всем происходящим. Все отчеты о разговорах в Москве и Берлине ложились к нему на стол.

Сначала советник посольства Шнурре сообщил советскому полпреду Астахову 24 и 26 июля о том, что Германия весьма заинтересована в масштабном политическом соглашении с Советским Союзом, и со ссылкой на Риббентропа подтвердил, что речь идет о «прямых указаниях свыше». Он заявил также, сообщает Астахов, что немецкое руководство готово разговаривать и договориться по всем интересующим вопросам, дав любые гарантии безопасности. Затем Шнурре обрисовал в целом, без подробностей, то, чему предстояло вскоре стать ядром советско-германского соглашения. Он указал, что по всей территории от Балтийского до Черного моря не существует неразрешимых проблем, подробно остановился на возражении Астахова относительно Прибалтики и Украины, а затем добавил, не дожидаясь вопроса: «Даже в отношении Прибалтики и Польши договориться было бы так же легко...»¹¹¹

Астахов, не имевший соответствующих указаний, «почувствовал, что беседа начинает заходить слишком далеко» и перевел разговор на другие темы. Но 2 августа 1939 г. уже сам Риббентроп, при как бы случайной встрече в министерстве иностранных дел, организованной Вайцеккером, предложил Астахову, по сути дела, образец будущего соглашения в дополнительном секретном протоколе. При этом Риббентроп подчеркнул (упоминание об этом отсутствует в его собственном рассказе Шуленбургу), что вопрос о Данциге будет скоро разрешен. «Мы не относимся серьезно к военным силам Польши, — сказал министр. — ...Поляки сейчас кричат о походе на Берлин, о том, что Восточная Пруссия — польская земля. Но они знают, что это вздор. Для нас военная кампания против Польши дело недели — десяти дней. За этот срок мы сможем начисто выбрить Польшу. Но мы надеемся, что в этом не будет необходимости»¹¹². Затем Шнурре обратился к советскому руководству с просьбой сформулировать политические пожелания и первым подал идею «секретного протокола». В этом документе предполагалось выразить пожелание

105. Шуленбург — Вайцеккеру, 22. 5. 1939 г. // ADAP, Bd. VI, S. 463–466; запись Молотова от 20. 5. 1939 г. // ДВП. Т. XX. С. 386–387. Запись Потемкина от 20. 5. 1939 г. см. в документе № 120 настоящего издания.

106. Типпельскирх — в Министерство иностранных дел, 18. 6. 1939 г. // ADAP, Bd. VI, S. 622–624. Запись Е. Бабарина от 17. 6. 1939 г. см. в документе № 126 настоящего издания.

107. Вайцеккер — посольству в Москве, 7. 7. 1939 г., и Шуленбург — Министерству иностранных дел, 10. 7. 1939 г. // ADAP, Bd. VI, S. 729–730, 745.

108. Решение Политбюро от 14. 7. 1939 г. см. в документе № 128 настоящего издания.

109. Шуленбург — Министерству иностранных дел, 22. 7. 1939 г. // ADAP, Bd. VI, S. 802.

110. Вайцеккер — Шуленбургу, 22. 7. 1939 г. // ADAP, Bd. VI, S. 803.

111. См. документ № 134 в настоящем издании. См. также менее подробную запись Шнурре, 27. 7. 1939 г. // ADAP, Bd. VI, S. 846–849 и опубликованные в ДВП документы: Т. XXII. С. 547–551, 554–556.

112. Запись разговоров Астахова с Риббентропом и Шнурре 2 и 3. 8. 1939 г., а также телеграммы Астахова от 3. 8. 1939 г. см. в документах № 136–138 настоящего издания, частично также — в ДВП, т. XXII. С. 566–569. Текст записи Астахова слегка отличается от приведенной здесь телеграммы, которую он 3. 8. 1939 г. заранее отправил в Москву. См. также: Fleischhauer, Pakt, S. 279–281.

улучшения политических отношений между Россией и Германией. Речь шла при этом лишь о протоколе к планируемому торгово-кредитному соглашению. В качестве варианта Шнурре также предлагал включить декларацию о намерениях в преамбулу к документу. В одном из последующих разговоров Шнурре еще раз просил Астахова ответить на этот вопрос¹¹³.

Молотов вначале отказался и назвал предложение включить политическую декларацию в кредитное соглашение «неподходящим»¹¹⁴. Однако идея политического соглашения вызвала в Москве огромный интерес и в оживленном дипломатическом диалоге начала постепенно приобретать конкретные очертания. В телеграмме Молотову 8 августа Астахов подробно излагал намерения немцев. Как выяснилось позже, это уже был в общих чертах договор о разграничении сфер влияния от 23 августа¹¹⁵. Сталин тут же подчеркнул соответствующие пассажи, и Молотов немедленно сообщил о заинтересованности советской стороны в таком соглашении¹¹⁶. Пока это делалось без всякой конкретизации, однако немецкая сторона уже открыто связывала идею договора с готовностью учесть советские пожелания в случае «возможных военных осложнений между Германией и Польшей» с вопросом о позиции Советского Союза в военных переговорах с Англией и Францией. В разговоре с Астаховым 10 августа Шнурре отбросил по этому поводу всякую дипломатическую сдержанность¹¹⁷. И когда Астахов передал 12 августа реакцию Москвы, единственное, что по-настоящему интересовало его немецкого собеседника, была советская позиция по польскому вопросу. Однако Астахов по указанию Молотова уклонился от прямого ответа¹¹⁸. Столь деликатные вопросы в Москве вообще не привыкли обсуждать через послов. По желанию Молотова, соответствующие переговоры должны были проводиться в Кремле. Поэтому Шуленбург не должен обращаться даже к заместителю наркома иностранных дел Потемкину, а только к нему лично, — сообщил нарком 21 августа. «У нас существует

на этот счет определенный порядок», — не без наставления заметил он германскому послу¹¹⁹.

Если Молотов все еще предлагал переговоры «по ступеням», то Берлин, в виду польского вопроса и советско-англо-французских переговоров, все откровеннее настаивал на быстром соглашении и немедленном визите Риббентропа в Москву. Советская сторона осознала свое тактическое преимущество и по-прежнему стремилась выиграть время. Однако события стали развиваться очень быстро. 17 августа Молотов в ответе на поступившее от немцев предложение договора о ненападении вернулся к высказанной ранее Шнурре идее «секретного протокола», в котором могли быть урегулированы интересующие обе стороны внешнеполитические вопросы¹²⁰. Ради подрыва московских переговоров с Западом немцы были готовы пойти даже на односторонние уступки, без каких-либо требований к Советскому Союзу, о чем сообщил в тот же день Астахов из Берлина, по крайней мере относительно Прибалтики. Теперь уже и ему было ясно, что речь идет не просто о Данциге, а обо всей Польше¹²¹.

18 августа Риббентроп прислал «проект» пакта якобы из трех пунктов, на самом деле же деле всего два пункта общим объемом в четыре строки¹²². Когда Шуленбург 19 августа зачитал это Молотову, тот подчеркнул необходимость использовать при составлении проекта уже существующие типичные договоры и уточнить содержание протокола. Уже через два часа Молотов передал советский текст проекта, содержащий постскрипtum о том, что настоящий пакт будет действителен лишь при одновременном подписании «особого» протокола¹²³.

Этот проект лег в основу окончательного договора. Записи переговоров ни с советской, ни с немецкой стороны пока не найдены, если они вообще существуют. Зато среди советских документов обнаруживается немецкое контрпредложение к советскому проекту от 19 августа в русском переводе, по всей вероятности, заранее заготовленное немецкой стороной¹²⁴. Не-

113. Телеграмма Астахова, 5. 8. 1939, и запись Астахова от 3. 8. 1939, приложение к Козырев Сталину, 5. 8. 1939 г. См. документы № 140, 136 настоящего издания. Запись Шнурре, 3. 8. 1939 г. // ADAP, VI, S. 884–885.

114. Телеграмма Молотова, 7. 8. 1939 г. См. документ № 141 настоящего издания.

115. Астахов — Молотову, 8. 8. 1939 г. См. документ № 142 настоящего издания. См. также: Fleischhauer, Pakt, S. 290–291.

116. Телеграмма Молотова, 12. 8. 1939 г. См. документ № 144 настоящего издания.

117. Телеграмма Астахова, 10. 8. 1939 г. // ДВП. Т. XXII. С. 595–596. См. также документ № 143 настоящего издания. Запись Шнурре, 10. 8. 1939 г. // ADAP, Bd. VII, S. 14–16.

118. Астахов — Молотову, 12. 8. 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 597–598; Шнурре — Шуленбургу, 14. 8. 1939 г. // ADAP, VII, S. 48. См. также: Fleischhauer, Pakt, S. 292–298.

119. Дневник Молотова, 21. 8. 1939 г. См. документ № 151 настоящего издания.

120. Памятная записка Молотова, 17. 8. 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 611–612; телеграмма Шуленбурга, 18. 8. 1939 г. // ADAP, VII, S. 95–96.

121. Телеграмма Астахова, 16. 8. 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 608.

122. ADAP, VII, S. 100–102; запись Молотова, 19. 8. 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 615–617.

123. Телеграмма Шуленбурга, 20. 8. 1939 г. // ADAP VII, S. 124–126; запись Молотова, 19. 8. 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 617–619.

124. Документ № 154 в настоящем издании.

мецкий оригинал, составленный в тот момент, когда Риббентроп летел в Москву, не найден¹²⁵. Все изменения по отношению к первому советскому проекту, вошедшие затем в окончательную редакцию, были произведены Сталиным, очевидно, во время переговоров, но не всегда можно установить по чьей инициативе. Предложенную немцами альтернативную, действительно «помпезную» преамбулу сняли после возражения Сталина. В советский текст генсек внес лишь незначительные редакционные поправки¹²⁶. Самое важное изменение в тексте договора касалось статьи II, обязывающей, согласно советскому проекту, к нейтралитету в случае, «если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом насилия или нападения со стороны третьей державы». Этот пассаж и без того не отвечал нормам международного права, по которым обязательство нейтралитета обычно возникает лишь в случае неспровоцированного нападения¹²⁷. Но Берлин предложил еще более откровенную формулировку: «В случае вступления одной из Договарившихся Сторон в военный конфликт с какой-нибудь третьей державой, другая Договаривающаяся Сторона никоим образом не будет поддерживать третью державу». Однако Сталин изменил текст этой статьи таким образом, что нейтралитет предписывался в случае, «если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы»¹²⁸. Хотя такая формулировка смягчала прямоту немецкого требования нейтралитета в случае любого военного конфликта, статья почти неприкрыто была рассчитана на грядущее нападение Германии на Польшу.

При таком сценарии развития событий предусматривались меры по разграничению сфер обоюдных интересов в Прибалтике и Восточной Европе¹²⁹. К сожалению, до сих пор неизвестны ни черновые проекты, ни детали обсуждения секретного протокола¹³⁰. Но он фактически соответствует тому, что немецкая сторона в конце

июля 1939 г. называла отсутствием неразрешимых проблем на всей территории «от Балтийского до Черного моря», и в целом максимальное идет навстречу советским пожеланиям.

Как известно, Гитлер лично обратился 20 августа к «господину Сталину» с просьбой принять Риббентропа «самое позднее» 23 августа для обсуждения желаемого советским правительством «дополнительного протокола»¹³¹. При передаче этой телеграммы Шуленбург на вопрос Молотова о содержании протокола мог ответить только, что в нем будут содержаться все названные наркомом пункты. При этом немецкий посол добавил: «Если же помимо этих пунктов Советское Правительство пожелает еще внести что-нибудь в протокол», то он, Шуленбург, убежден, что и это будет сделано. Необходимость срочного ответа Шуленбург обосновал весьма красноречиво: «Риббентроп в Берлине сидит как на углях»¹³². И действительно, Сталин ответил в течение двух часов¹³³. Он лично составил сообщение ТАСС от 22 августа о заключении торгово-кредитного соглашения и о намерении правительства, дабы устранить угрозу войны, заключить пакт о ненападении. Текст опубликованного сообщения отличался от текста, который Шуленбургу заранее передали для ознакомления. Сталин назвал целью предполагаемого договора не только попытку «разрядить напряженность в политических отношениях», но и «устранить угрозу войны», а также добавил ссылку на источник — ТАСС.¹³⁴

Таким образом, в кратчайшие сроки был заключен пакт о ненападении, в составлении и редактировании которого лично Сталин принял немалое участие.¹³⁵ Содержание договора, впрочем, как и «секретного протокола», для самих немцев было не столь существенно. Они решили главную задачу — выиграть время, построить советские переговоры с Англией и Францией, а также изолировать Польшу. Для Сталина же это действительно был договор, о котором он ранее не осмелился бы и мечтать¹³⁶.

125. Fleischhauer, Pakt, S. 361.

126. Фляйшхауэр предполагает пассивное принятие немецкой стороной «в целом безупречного советского проекта договора» (Fleischhauer, Pakt, S. 353, 361), а также добавление «помпезной преамбулы». Однако эта последняя, за вычетом незначительных редакторских поправок, содержалась уже в первом советском проекте. См. также пояснения в ДВП, т. XXII, кн. 2, прим. 177, с. 588–590.

127. Фляйшхауэр (Fleischhauer, Pakt, S. 333) делает не слишком убедительный вывод о том, что советской стороне было в данном случае важно исключить поддержку Германией Японии в случае военного конфликта между Японией и СССР. Относительно самих переговоров Фляйшхауэр настаивает на том, что советская сторона осталась в убеждении, будто Германия попытается решить конфликт с Польшей мирным путем. См.: Там же. С. 365–368.

128. АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 673. Л. 129.

129. Иначе у Фляйшхауэр. См.: Fleischhauer, Pakt, S. 355.

130. См.: ДВП. Т. XXII. Кн. 2. Прим. 178. С. 590–591. См. также: Fleischhauer, Pakt, S. 353–355.

131. Телеграмма Риббентропа, 20. 8. 1939 г. // ADAP, VII, S. 131; Год кризиса... Т. 2. С. 302.

132. Дневник Молотова, 21. 8. 1939 г. См. документ № 150 в настоящем издании.

133. Телеграмма Шуленбурга, 21. 8. 1939 г. // ADAP, VII, S. 139–140; Год кризиса... Т. 2. С. 303.

134. Документ № 153 в настоящем издании. Сообщение в «Известиях» от 22. 8. 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 626. См. первоначальный текст в телеграмме Шуленбурга, 21. 8. 1939 г. // ADAP. Т. VII, S. 141.

135. Окончательную редакцию и предшествующие варианты текста см.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 673. Л. 127–130.

136. Slutsch, Stalin und Hitler, S. 82.

Цели Сталина

Советский Союз, бесспорно, получал определенный выигрыш в обмен на обещание нейтралитета в случае нападения Германии на Польшу. Однако вокруг вопроса о том, хотел ли Кремль только отогнать от своих границ неизбежно надвигавшуюся войну или он стремился способствовать войне между Германией и западными державами, чтобы создать благоприятные условия для собственных экспансионистских целей, до сих пор идет ожесточенная полемика. Чего на самом деле хотел Сталин, источники прямо не сообщают.

Многие историки видят ключ к пониманию мышления Сталина в его речи 19 января 1925 г., где он говорит, что после взаимного ослабления всех участников мировых конфликтов можно с Красной армией «выступить последними» и «бросить решающую гирию на чашу весов». Обращает внимание на то, что Сталин говорил вообще об освободительном движении, из-за которого «вопрос об интервенции вновь становится актуальным», и, в частности, об «осложнениях в окружающих нас странах», при которых «вопрос о нашей армии, о ее мощи, о ее готовности обязательно встанет перед нами... как вопрос животрепещущий»¹³⁷.

Под интервенцией тут явно имеется в виду активное вмешательство, что вполне отвечает модели поведения во время революционных преобразований. Тогда Красная армия входила в области бывшей Российской империи и обьясняла свое поведение поддержкой революции. При этом советское правительство либо само занималось обустройством коммунистических Советов, либо поддерживало их кадрами, деньгами и активным вмешательством Красной армии. На Кавказе подобные акции имели успех, в Финляндии и Прибалтике после первых многообещающих попыток пришлось отступить перед нажимом Германии и стран Антанты. В Польше летом 1920 г. попытались экспортировать революцию «на штыках Красной армии», однако реакция польского пролетариата оказалась не той, на какую рассчитывали¹³⁸.

При этом советская власть действовала точно так же, как Польша, Румыния или Греция, недовольные порядком, установившимся в Европе после Первой мировой войны. Как правило, эти государства, включая позднее и Германию, утверждали, что реализуют свое право на наци-

ональное самоопределение или, по крайней мере, законные национальные интересы, ущемленные державами-победительницами. Советская власть по определению не могла воспользоваться подобной аргументацией, но ее вожди не стеснялись отождествлять любую внешнюю интервенцию с классовыми интересами международного пролетариата и социальной революцией.

Когда Сталин в 1925 г. высказал свои соображения о вмешательстве Красной армии в защиту пролетарской революции, речь шла о сугубо внутривосточной проблеме, получившей отклик в партийном споре о будущем армии. Должна ли она превратиться в милицию, как предлагал вечный оппонент Сталина Троцкий, или она будет строиться как обычная армия с воинской повинностью, на чем настаивал заместитель Троцкого и его преемник на посту наркома по военно-морским делам Тимур Фрунзе? Суть спора заключалась в столкновении сталинской концепции «революции в одной, отдельно взятой, стране» и доктрины Троцкого о «перманентной революции». Сталин, естественно, поддерживал Фрунзе, аргументируя необходимость создания регулярной армии ее эффективностью в случае мировой революции. В ответ на возражение Троцкого, будто он, Сталин, не верит в международную революцию, которая только и может обезопасить СССР, начинающий диктатор ловко обратил этот аргумент против его автора, обвинив Троцкого в «ликвидаторском настроении» по отношению к армии — гаранту международной революции¹³⁹.

Сталин, разумеется, знал, что делал. Пагубные коннотации слова «ликвидаторство» были всем памяты еще со времен Ленина. Но самое важное, что в 1925 г. на повестке дня вообще не стояло внешнеполитических вопросов. Речь шла о чисто гипотетических проблемах, о неких «начертаниях» или «контурах» мысли. Конечно, если эти «контуры» возникали каждый раз, когда вставал вопрос о советской политике за пределами границ СССР, то их нельзя считать несущественными. К примеру, разговоры об увеличении числа советских республик — надежный признак того, что в Москве военную интервенцию считали одним из вероятных выходов¹⁴⁰. Однако одно дело — использовать предоставляющуюся возможность для военной интервенции, а другое — целенаправленно

137. Речь на пленуме ЦК РКП(б) 19. 1. 1925 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. С. 9–12.

138. E. H. Carr, *The Bolshevik Revolution*. Vol. 3. London 1953, P. 159. Ср. Krummacker/Lange, *Krieg und Frieden*, S. 91.

139. Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. С. 5. О спорах и проблемах реформирования армии см. также: Вестник Архива Президента. Красная Армия в 1920-е годы. М., 2007.

140. См. также: B. Pietrow-Ennker, «Mit den Wölfen heulen...» Stalinistische Aussen- und Deutschlandpolitik 1939–1941. In: B. Pietrow-Ennker (Hrsg.), *Präventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion*. Frankfurt am Main 2000, S. 81–83; Pietrow, *Stalinismus*, S. 127–130; Besymenski, *Stalin und Hitler*, S. 149–151.

стремиться к такой возможности и в целях поддержки мировой революции постоянно подстрекать войны, дабы иметь предлог для вмешательства не только у собственных границ, но и по всей Европе или даже миру. Когда данные мысли объявляют «доктриной Сталина» (Некрич) с 1925 г., предполагается — без учета конкретных обстоятельств — именно эта последняя позиция¹⁴¹. В сочетании с идеей «активной обороны» подобная «доктрина» стала доказательным фундаментом для множества монографий о якобы масштабных захватнических планах Сталина, или Советского Союза¹⁴². Используя игру слов, отдельные исследователи даже пишут, что Сталин сознательно пошел на «пакт о нападении»¹⁴³.

И все же не Сталин провоцировал германскую агрессию против Польши. Решение принял Гитлер еще 3 апреля 1939 г. («план "Вайс"»)¹⁴⁴. Тем не менее некоторые, в основном российские авторы ссылаются на речь, якобы произнесенную Сталиным 19 августа 1939 г. перед Политбюро и крупными деятелями Коминтерна. В этой речи генсек будто бы обосновывал свое решение о пакте в духе высказывания 1925 г. Пересказ «речи» распространило 28 ноября 1939 г. французское агентство «Гавас». Спустя два дня Сталин выступил в «Правде» с опровержением. Конечно, опровержение в таких случаях значит немного, однако есть веские основания считать данный источник подделкой¹⁴⁵. Хотя, вполне возможно, столь быстрая реакция из Москвы свидетельствует о том, что французская «утка» уловила какие-то тайные намерения Кремля¹⁴⁶.

Единственные источники, рассказывающие нам о расчетах и планах Сталина в связи с договором 23 августа 1939 г., — это воспоминания Никиты Хрущева и дневниковые записи Георгия

Димитрова. Хрущев описывает, как после отъезда Риббентропа Сталин, очень довольный собой, сообщил ничего не подозревавшим членам Политбюро, что перехитрил Гитлера. При этом он перечислил территориальные приобретения Советского Союза от Финляндии до Бессарабии. Предстоящее нападение Германии на Польшу и вызванная этим война с западными державами были для него несомненным фактом¹⁴⁷.

Сталин относился к обострению ситуации, как минимум, одобрительно. В дальнейшем он, во всяком случае, поддерживал боеспособность Германии важными военными поставками. Даже если не придерживаться мнения, что целью вождя было осуществление приписываемого ему плана распространения социалистической революции с помощью войны, это не объяснишь просто «политикой безопасности». Выбрав договор с Германией, Сталин не только не допустил втягивания СССР в войну, но и, несомненно, извлек из этого пользу для советской экспансии. Каковы были конечные цели этой экспансии — другой вопрос, на который нет убедительного ответа. Готовя директиву для Коминтерна, Димитров попросил вождя дать разъяснения по поводу пакта и новой международной ситуации после нападения Германии на Польшу. Сталин прямо и цинично изложил свои соображения, а Димитров их вкратце записал¹⁴⁸. Их суть сводилась к заинтересованности во взаимном ослаблении капиталистических стран в борьбе за передел мира, чем могут воспользоваться коммунисты и рабочий класс¹⁴⁹.

Разумеется, в этом не сложно усмотреть параллели с высказываниями 1925 г. Однако в сентябре 1939 г. Сталину важно не столько изложить свои планы на будущее, сколько объяснить ситуацию совершенно сбитым с толку коммунисти-

141. Nekrich, Pariahs, P. 104–106; Tucker, Stalin in Power, P. 592; G. Hilger, Wir und der Kreml. Frankfurt am Main 1964, S. 292.

142. E. Topitsch, Stalins Krieg. Die sowjetische Langzeitstrategie gegen den Westen als rationale Machtpolitik. Herford 1990; R. C. Raack, Stalin's Drive to the West, 1938–1945. Stanford 1995; A. L. Weeks, Stalin's Other War. Grand Strategy, 1939–1941. Lanham 2002; B. Musial, Kampfplatz Deutschland. Stalins Kriegspläne gegen den Westen. Berlin 2008. См. об этом также: B. Bonwetsch, Die Forschungskontroverse über die Kriegsvorbereitungen der Roten Armee 1941. In: Pietrow-Ennker, Präventivkrieg, S. 170–189.

143. R. Ahmann, Der Hitler — Stalin — Pakt: Nichtangriffs- oder Angriffsvertrag? In: E. Oberländer (Hg.), Hitler — Stalin — Pakt 1939. Das Ende Ostmitteleuropas? Frankfurt am Main 1989, S. 26–42.

144. Указание Кейтеля вермахту, 3. 4. 1939 г. // ADAP, Bd. VI, S. 154.

145. B. Bonwetsch, Stalins Äusserungen zur Politik gegenüber Deutschland 1939–1941. In: Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion. Die Kontroverse um die Präventivkriegsthese. Darmstadt 1998, S. 147–149; С. Случ. Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1. С. 113–139.

146. Телеграмма Сурица, 28. 11. 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 343.

147. Хрущев Н. С. Люди. Время. Власть. Т. 1. С. 226–228. См. также: Chruschtschow erinnert sich. Reinbek 1970, S. 140–141.

148. Димитров — Жданову, 5. 9. 1939 г. // Коминтерн и Вторая мировая война. Т. 1. С. 88. См. также: В. H. Bayerlein, «Der Verräter, Stalin, bist Du!» Vom Ende der linken Solidarität. Komintern und kommunistische Parteien im Zweiten Weltkrieg 1939–1941. Berlin 2008, S. 121.

149. См. подробнее: Выдержка из дневника Г. Димитрова, 7. 9. 1939 г. // Политбюро и Коминтерн... С. 779–781. Ср. местами «смягченный» перевод: Georgi Dimitroff, Tagebücher 1933–1943, hrsg. von B. Bayerlein. Bd. 1. Berlin 2000, S. 273–274. См. также: B. Bonwetsch, Stalins Äusserungen zur Politik gegenüber Deutschland 1939–1941. In: G. R. Ueberschär/L. A. Bezzyemskij (Hg.), Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion 1941. Die Kontroverse um die Präventivkriegsthese. Darmstadt 1998, S. 146–147.

ческим партиям и их членам по всему миру, причём в категориях «марксистского» мировоззрения. А коммунистический мир действительно был в полной растерянности¹⁵⁰. У Гитлера, впрочем, возникли аналогичные проблемы. За несколько дней до разъяснений Сталина фюрер собрал гауляйтеров и депутатов рейхстага — членов НСДАП и сказал, что пакт с Советским Союзом «был неправильно понят многими членами партии». Он категорично подчеркнул, что в его отношении к Советскому Союзу ничего не изменилось: «Это пакт с сатаной, чтобы изжить дьявола», «против Советов все средства хороши, в том числе и такой пакт».¹⁵¹ Разъяснения вождей не сильно различались. Обеим сторонам пакт принес материальные и стратегические преимущества, которые, однако, конкретно не назывались. Вместо этого Сталин назвал пакт оружием в борьбе с капитализмом, а Гитлер — с Советским Союзом.

Таким образом, идеологический «антураж» был внешне восстановлен, однако реальные планы Сталина под пером Димитрова даны лишь намётками — распространение социалистической системы на новые территории и население, расширение государственных границ Советского Союза на запад, в принципе по всем направлениям, но конкретно упоминалась лишь территория Польши. Все прочее оставалось невысказанным. В этом духе была составлена и короткая директива коммунистическим партиям, отосланная им 8 сентября. Компартии Англии, Франции, США и Бельгии были перечислены в ней как неверно истолковавшие политическую линию, т. е. призывавшие к борьбе с немецкой агрессией. Директива особенно резко настаивала на двух позициях: 1. Международный пролетариат не может ни в коем случае защищать фашистскую Польшу, угнетающую другие национальности и отвергнувшую помощь Советского Союза; 2. Коммунистические партии должны повсюду перейти в наступление против предательской политики социал-демократии¹⁵².

Международному пролетариату объясняли, что врага нужно искать в фашистской Польше, в нейтральных странах и вообще в капиталисти-

ческом мире, а также среди социал-демократов, но менее всего в Германии, которая, в отличие от Франции, США и Англии, не была названа в перечне. Правда, и свержение капитализма больше не упоминалось. Подчеркивался лишь империалистический характер войны и требование к коммунистам выступить за то, что в ленинские времена называлось «пораженчеством». Пакт о ненападении в директиве также не упоминался, как будто его и вовсе не было.

Сталин и внезапное нападение Германии на Советский Союз

«Революционные» изменения, происшедшие в следующие 22 месяца не без «помощи» Красной армии, были бы немислимы без пакта о ненападении, договора о дружбе и границе 28 сентября 1939 г. и соответствующих тайных договоренностей. Эти договоренности составили фундамент советской политики в отношении к Германии вплоть до июня 1941 г. Они позволили СССР расширить свою территорию на западе практически до прежних границ Российской империи. Эти процессы хорошо освещены в научной литературе¹⁵³. Ставшие теперь доступными документы из Архива Президента Российской Федерации, не дают в этом отношении чего-то сенсационно нового. Наиболее принципиальные источники — к примеру, по поездке Молотова в Германию в ноябре 1940 г. — уже опубликованы¹⁵⁴.

Тем не менее документы Архива Президента позволяют по-новому взглянуть на огромную заинтересованность Москвы в улучшении политических отношений с Германией из соображений оборонных поставок и в этом плане дополняют известные немецкие материалы. В берлинских планах Советскому Союзу отводилась роль либо прямого поставщика, либо посредника в торговых операциях, восполняющих большую часть нарушенного блокадой импорта. Однако представление о СССР как о потенциальном «младшем партнере на службе военной экономики Германии» не соответствовало ни интересам, ни самосознанию Москвы¹⁵⁵.

150. О растерянности коммунистических партий см.: В. Н. Bayerlein, «Der Verräter, Stalin, bist Du!» Vom Ende der linken Solidarität. Komintern und kommunistische Parteien im Zweiten Weltkrieg 1939–1941. Berlin 2008.
151. Встреча состоялась 28 августа 1939 г. Цит. по: G. Ueberschär, Die Entwicklung der deutsch-sowjetischen Beziehungen von 1939 bis 1941 und Hitlers Entschluss zum Überfall auf die UdSSR. In: Ueberschär/Bezymenskij, Angriff, S. 8.
152. Коминтерн и Вторая мировая война. Т. 1. С. 88–90; Bayerlein, Verräter, S. 126–127.
153. Наиболее полный охват источников у Габриэля Городецкого: G. Gorodetsky, Grand Delusion. Stalin and the German Invasion of Russia. New Haven — London 1999. См. также: Чубарьян А. О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2008; В. Pietrow, Stalinismus, Sicherheit, Offensive, часть 2; Tucker, Stalin in Power, P. 598–619; Slutsch, Stalin und Hitler, S. 82–87.
154. Некоторые директивы к берлинской поездке 9.11.1940 г. и другие документы см.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(1). «Директивы» Молотову в немецком переводе см.: Lev A. Bezymenskij, Ausgewählte sowjetische Dokumente. In: Ueberschär/Bezymenskij, Der deutsche Angriff, S. 174–176. См. также: Поездка В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 64–99; Besymenski, Stalin und Hitler, S. 314–340.
155. Schwendemann, Wirtschaftliche Zusammenarbeit, S. 89, 109.

В Кремле хорошо понимали зависимость Германии от поставок сырья, чем и не преминули воспользоваться для повышения технического уровня собственных вооружений. 4 сентября Сталин поручил наркому внешней торговли Микояну в двухдневный срок совместно с наркомом Кагановичем, Сергеевым, Малышевым и Тевосяном подготовить «группы работников» для отправки в Германию и Италию с соответствующей закупочной миссией¹⁵⁶. 7 сентября Микоян представил на утверждение ЦК список из 14 человек, которым предписывалось в трехдневный срок разработать подробную программу¹⁵⁷. В последующие недели список делегации был пополнен новыми членами. Им ставилась задача выяснить «новые технические достижения немцев» и возможность закупки соответствующих образцов¹⁵⁸.

Советская делегация под руководством наркома судостроения Тевосяна, состоявшая из более чем 60 специалистов, прибыла в Берлин в конце октября 1939 г. Полтора месяца она ездила по Германии, удивляя немецких партнеров конкретностью своих пожеланий. Русские постоянно настаивали на показе новейших технических достижений, хотя им, отчасти и по прямому указанию Гитлера, вовсе не пытались сплавить «залежавшийся» товар. Сталин постоянно получал от Микояна устную информацию о ходе дел и безотлагательно знакомился с подробными отчетами о результатах переговоров: эти отчеты представляли «бригады» специалистов в составе делегации. В результате он мог давать детальные указания¹⁵⁹. Представители немецкой стороны, например, те, с кем он лично вел переговоры в Кремле 31 декабря 1939 г., были поражены его осведомленностью¹⁶⁰.

Нацистский рейх, остро нуждаясь в поставках советского сырья из-за роста собственных потребностей, лишь с большим трудом был способен адекватно расплачиваться товарами, промышленным оборудованием и вооружениями. Сталин в этом вопросе пошел навстречу. Хозяйственное соглашение от 11 февраля 1940 г. предусматривало асимметрию в 20 % стоимости в пользу Германии. В итоге Берлин

мог растянуть свои поставки за пределы годовичного срока действия договора¹⁶¹. В ходе исполнения договора асимметрия даже увеличилась, хотя советская сторона, судя по отчету Микояна, была довольна результатами, так как с учетом фактических поставок немецкое отставание от зафиксированной пропорции было минимальным¹⁶². Выравнивание недопоставок предусматривалось до 20 апреля 1941 г.¹⁶³

Разумеется, советские поставки и договоренности о транзите товаров увеличивали военную мощь Германии. Но то, что Сталин таким образом будто бы хотел «подстрекнуть Гитлера к нападению на Запад», как считают отдельные историки, — это умозрительное и ни на чем не основанное предположение¹⁶⁴. Советская экономическая политика в 1939–1941 гг. должна трактоваться во внешнеполитическом контексте. Она, несомненно, содержала элемент политического «умиротворения». Однако не следует интерпретировать ее исключительно в смысле односторонних экономических уступок. При таком подходе заинтересованность СССР в масштабном приобретении (трансфере) военно-промышленных технологий превращается в малозначительное побочное явление. А заинтересованность эта, судя по новым документам, была серьезной и не носила тактического характера. Этим объясняется решимость Микояна пойти на конфликт в ходе контроля за выполнением соглашения¹⁶⁵. Следует также принять во внимание, что Германии было совсем не просто осуществлять встречные поставки.

Что касается политической составляющей экономических отношений, то готовность СССР пойти навстречу Германии оправдывалась даже в том случае, если бы желаемым результатом было только немецкое согласие с советскими территориальными приобретениями или подрыв возможных, но маловероятных германских соглашений с Англией и Францией. Не случайно, Молотов в ноябре 1940 г., уже после быстрой победы Германии над Францией, требовал в Берлине свободы действий по образцу Прибалтики для решения «финской проблемы». Вероятно, лишь отрезвляющий ре-

156. Выдержка из протокола Политбюро от 4. 9. 1939 г. См. документ № 156 в настоящем собрании.

157. Микоян — Сталину и Молотову, 7. 9. 1939 г. См. документ № 157 в настоящем издании.

158. Решение Политбюро от 15. 10. 1939 г. См. документ № 163 в настоящем издании.

159. Записка Ворошилова Сталину и Молотову от 20. 10. 1939, протокол заседания Политбюро от 23. 10. 1939 г. См. документы № 167, 168 в настоящем издании (список желаемых заказов на 26 листах; список 62 членов делегации). См. также рассуждения Швендемана: *Wirtschaftliche Zusammenarbeit*, S. 100–112; Юнаков — Поскребышеву, 20. 9. 1940 г. // АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 669. Л. 16.

160. Schwendemann, *Wirtschaftliche Zusammenarbeit*, S. 125. Военно-промышленные аспекты советской политики в отношении Германии подробно отражены в делах 665–670 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64.

161. Schwendemann S. 120–149.

162. Микоян — Сталину и Молотову, 11. 3. 1941 г. См. документ № 205 в настоящем издании.

163. Микоян — Сталину и Молотову, 26. 3. 1941 г. См. документ № 206 в настоящем издании.

164. Schwendemann, *Wirtschaftliche Zusammenarbeit*, S. 142.

165. Чубарьян А. О. Канун трагедии. С. 299–301.

зультат этой поездки привел к повторному согласию на асимметричные обязательства по поставкам в новом советско-германском экономическом соглашении от 10 января 1941 г.¹⁶⁶ Такая уступчивость, видимо, должна была подчеркнуть в первую очередь надежность советского партнерства и его выгоду для Германии. Готовность идти навстречу выражалась в экономических отношениях как таковых, а не в асимметрии обязательств. Во всяком случае, в фактическом обмене товарами в первой половине 1941 г. никакой асимметрии уже не наблюдается. Согласно немецким документам, экспорт Германии даже превысил импорт из Советского Союза. Правда, в этом сыграли свою роль долги предыдущего года, а согласие принять в уплату золото вместо вооружений, возможно, являлась уступкой¹⁶⁷. Впечатление экономической «политики умиротворения», то есть постоянных односторонних уступок, вызванное не в последнюю очередь преднамеренными заявлениями того времени, обманчиво¹⁶⁸. Экономическое «умиротворение» со стороны Сталина было весьма умеренным.

Лишь в последние предвоенные месяцы Сталин был готов идти на экономические уступки, которые можно назвать не иначе, как дорогостоящей демонстрацией лояльности. В частности, речь идет о решении продать Германии большое количество зерна по цене значительно ниже той, которую платили другие страны¹⁶⁹. Если военно-промышленные поставки из Германии достигли «рекордного уровня» и уже не отставали от договорных обязательств, то это объясняется не в последнюю очередь тем, что советская сторона соглашалась платить по завышенным ценам¹⁷⁰. С другой стороны, не следует забывать, что Москва была крайне заинтересована в этих поставках и жаловалась на цены отчасти из тактических соображений, чтобы добиться большего объема поставок¹⁷¹.

Когда речь заходила о непосредственном нападении Германии на СССР, то в науке долгое время не было никаких разногласий, за исключением дискуссии по вопросу, начал ли Гитлер войну с Советским Союзом по стратегическим или в первую очередь по политико-идеологическим соображениям. Историки, склонявшиеся к первой позиции, понимали под ней намерение поставить на колени Англию, лишив ее русского «континентального кинжала»¹⁷². Представители другой школы, в первую очередь такой известный в Германии историк, как Андреас Хильгрубер, основное внимание уделяли идеологически-программным соображениям Гитлера. Они считают, что с 1933 г. нацистский фюрер начал постепенно осуществлять идеи завоевания жизненного пространства на Востоке, которые наметил еще в 1920-е годы. В 1940 г. Гитлер увидел, по мнению Хильгрубера, самый подходящий, если не последний момент для достижения главной своей цели — уничтожения Советского Союза, поскольку Англия в это время не могла серьезно угрожать Германии с тыла¹⁷³. Хотя в какой-то степени этот спор еще продолжается, мы разделяем взгляды тех ученых, которые полагают, что Гитлер принял решение по совокупности идеологических, политических и стратегических соображений¹⁷⁴.

Состояние источников в гораздо меньшей степени позволяет судить о мотивах советской политики, чем немецкой. О многом, к сожалению, приходится только догадываться или строить одни лишь предположения. Это касается, к примеру, перемены позиции Сталина между 23 августа и 28 сентября 1939 г., приведшей к дальновидному исправлению договора о разделении сфер влияния фактически по линии Керзона. За изменениями, внесенными в договор 28 сентября, можно увидеть стремление Сталина не ставить ненужных препятствий

166. Дополнительное соглашение от 10. 1. 1941 г. // ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(1). С. 292–294. См. также: Schwendemann, *Wirtschaftliche Zusammenarbeit*, S. 255–263.

167. Schwendemann, *Wirtschaftliche Zusammenarbeit*, S. 263.

168. Slutsch, *Stalin und Hitler*, S. 84. А. О. Чубарьян (Канун трагедии, с. 335) цитирует британского посла Криппса в том же смысле.

169. Микоян — Сталину и Молотову (со «справкой» о разнице в цене), 19. 2. 1941 г. // АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 670. Л. 82–92; Schwendemann, *Zusammenarbeit*, S. 317.

170. Schwendemann, *Wirtschaftliche Zusammenarbeit*, S. 276–352.

171. Записка Микояна Сталину, 11. 6. 1941 г. // АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 670. Л. 155–160.

172. H. Schustereit, *Vabanque. Hitlers Angriff auf die Sowjetunion 1941 als Versuch, durch den Sieg im Osten den Westen zu bezwingen*. Herford 1988. См. также: B. Stegemann, *Der Entschluss zum Unternehmen Barbarossa. Strategie oder Ideologie?* In: *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht* 33. 1982, S. 205–213; A. J. P. Taylor, *Origins of the Second World War*. London 1964; E. M. Robertson (Ed.), *The Origins of the Second World War*. London 1971.

173. A. Hillgruber, *Hitlers Strategie. Politik und Kriegführung 1940–1941*. Frankfurt am Main 1965; Он же, *Noch einmal. Hitlers Wendung gegen die Sowjetunion 1940*. In: A. Hillgruber, *Die Zerstörung Europas*. Frankfurt am Main 1988, S. 239–255; A. Kuhn, *Das nationalsozialistische Deutschland und die Sowjetunion*. В: M. Funke (Hg.), *Hitler, Deutschland und die Mächte*. Düsseldorf 1976, S. 639–653; G. R. Ueberschär, *Die Entwicklung der deutsch-sowjetischen Beziehungen von 1939 bis 1941 und Hitlers Entschluss zum Überfall auf die UdSSR*. In: Он же, L. A. Bezymenskij (Hg.), *Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion 1941*, S. 3–20. См. также: B. A. Leach, *German Strategy against Russia, 1939–1941*. Oxford 1973.

174. J. Förster, *Hitlers Entscheidung für den Krieg gegen die Sowjetunion*. In: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 4. Stuttgart 1983, S. 3–37; Gorodetsky, *Grand Delusion*, S. 48–52. См. также: J. Erickson, *The Road to Stalingrad*. London 1975.

на пути будущего взаимопонимания с Западом. Примечательна также и сдержанная реакция западных держав, не хотевших окончательно толкнуть Советский Союз в объятия Германии¹⁷⁵. Однако нужно больше документов для определенных выводов¹⁷⁶.

Другой запутанный сюжет — советская политика в Юго-Восточной Европе. Известно, что Берлин еще 23 августа 1939 г. заявлял о своей «незаинтересованности» этим регионом и неоднократно подтверждал это в ходе последующих дискуссий. Однако, как уже не раз случалось с нацистским фюрером, он обещания не сдержал, и балканская тема стала предметом серьезных разногласий. Отдельные авторы в советском противодействии германской политике даже усматривают существенную причину, побудившую Гитлера к войне с СССР, в то время как другие считают преобладание Германии на Балканах необходимой предпосылкой для будущего нападения на Советский Союз¹⁷⁷. Кульминационным пунктом трений стало заключение 5 апреля 1941 г. советско-югославского пакта о дружбе и ненападении. Это произошло спустя всего несколько дней после свержения дружественного Берлину правительства, которое 25 марта 1941 г. как раз присоединилось к прогерманскому пакту трех держав. Официально договор был заключен накануне нападения Германии на Белград, а на самом деле ранним утром 6 апреля, когда немецкое наступление уже началось¹⁷⁸.

Есть основания предполагать, что заключенный при столь драматических обстоятельствах быстрый договор с югославами, был внятным сигналом в адрес Гитлера. Ему недвусмысленно показывали, что Советский Союз намерен отстаивать собственные интересы, однако не желает прямого конфликта. Действия Москвы можно понять и как попытку отпугнуть Гитлера от возможных планов «похода на Россию», заставив его вести еще одну войну в Европе. Надежда югославы на военную поддержку Советского Союза оказалась иллюзорной.

Этого Москва не собиралась делать ни при каких обстоятельствах. Как и в случае предыдущих походов, никто не мог ожидать, что война против Югославии займет у Германии всего несколько дней¹⁷⁹. Новые документы из АП РФ не проясняют этих вопросов. Согласимся с российским исследователем Л. Я. Гибианским: историки остро нуждаются в рабочих документах советского руководства, чтобы понять процесс принятия решений и мотивы¹⁸⁰.

Пожалуй, наиболее острую дискуссию о советско-германских отношениях вызвал в конце 1980-х годов тезис Виктора Резуна-Суворова о том, будто бы Сталин собирался летом 1941 г. напасть на Германию, а Гитлер упредил его 22 июня. Суть подобной версии заимствована из нацистской пропаганды, о чем беглый советский разведчик старательно умалчивает. Гипотезы о якобы «агрессивных намерениях» Кремля появлялись в западной правоконсервативной литературе задолго до Суворова, но их авторы в академической среде не пользовались авторитетом¹⁸¹. Нельзя также не обратить внимания, что скандальная популярность «Ледокола» возникла на общей волне антикоммунизма в период распада Советского Союза. Прямо или косвенно доводы Суворова использовались в борьбе с идеологическим наследием коммунистической партии, которая всегда апеллировала к опыту войны и победе в ней для собственной пропаганды. Настоящая дискуссия началась лишь после публикации бывшим директором Института военной истории Министерства обороны СССР генералом Д. А. Волкогоновым информации о плане превентивного удара, составленном советским генштабом в середине мая 1941 г.¹⁸² Если в Германии тезисы Суворова вызвали в научных кругах повсеместную критику, то в России, как ни странно, именно историки, отталкиваясь от этих двух провоцирующих книг — «Ледокол» и «Сталин. Триумф и трагедия», пытались доказать, что Сталин собирался летом 1941 г. напасть на Германию и что предложенные в середине мая начальником Генерального штаба

175. А. О. Чубарьян (Канун трагедии. С. 35–77, 135–164) подчеркивает в особенности этот аспект, основываясь, впрочем, исключительно на косвенных признаках.

176. К примеру, мы даже не имеем оригиналов многих карт того времени, хотя в работу по созданию новых границ были вовлечены сотни специалистов.

177. Gorodetsky, *Grand Delusion*, P. 51–52; F. C. Littlefield, *Germany and Yugoslavia, 1933–1941*. New York 1988, P. 89–90.

178. Текст договора см.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(2). С. 522–523.

179. См., например, запись разговора Деканозова с Шуленбургом, 5.5. 1941 г. // ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(2). С. 654–657; Гибианский Л. Я. Югославия перед ликом фашистской агрессии и Советский Союз // *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939–1941 гг.* М., 1999. С. 405–501; Gorodetsky, *Grand Delusion*, P. 137–154.

180. Гибианский Л. Я. Балканский кризис и Советский Союз // *Международный кризис 1939–1941 гг.* М., 2006. С. 481–528.

181. Ph. W. Fabry, *Der Hitler-Stalin-Pakt 1939–1941. Ein Beitrag zur Methode sowjetischer Aussenpolitik*. Darmstadt 1962; Он же, *Die Sowjetunion und das Dritte Reich*. Stuttgart 1971; U. Walendy, *Moskau 1940 kriegsentschlossen*. Oldendorf 1982; E. Helmdach, *Überfall? Der sowjetische Aufmarsch 1941*. 4. Aufl. Neckargemünd 1978; V. Suworow, *Der Eisbrecher. Hitler in Stalins Kalkül*. Stuttgart 1989. Русское издание вышло чуть позже: Суворов В. *Ледокол*. М., 1993.

182. D. Wolkogonow, *Stalin. Triumph und Tragödie. Ein politisches Porträt*. Düsseldorf 1989. Русское издание: Д. А. Волкогонов, *Сталин. Триумф и трагедия*. Кн. 1–2. М., 1989.

Жуковым меры, хотя и отклоненные формально, на самом деле были тайно приняты к исполнению¹⁸³. Правда, в важнейшем пункте эти истории расходятся с Суворовым и его немецкими единомышленниками вроде Йохима Хоффмана, Вернера Мазера, Вальтера Поста, Эрнста Топича, Фрица Беккера и других: они не изображают нападение Гитлера превентивной мерой¹⁸⁴.

Более или менее беспристрастный взгляд на события приводит нас к выводу, что на самом деле вопрос о намерениях Сталина (или Советского Союза) на фоне явного стремления Гитлера к войне долгое время оставался в тени. Все, что делала советская сторона до 22 июня 1941 г., интерпретировалось исключительно в смысле оборонительных мероприятий. Большинство историков, опираясь на опубликованные материалы и многочисленные косвенные признаки, полагают, что летом 1941 г. Сталин никакого превентивного удара и тем более нападения на Германию не планировал. Однако противоречивые указания и действия Кремля непосредственно перед войной допускают различные толкования. К примеру, одна из причин неясности — стратегическая концепция активной обороны, которой следовали советские вооруженные силы. В результате сама по себе дислокация войск не позволяет сделать убедительных выводов относительно наступательных или оборонительных планов. Теоретически можно предположить, что детальных военных планов, дискуссий или калькуляций вообще не существует. Но, чтобы в этом убедиться, необходимо рассекретить все архивы того времени. Поэтому, как это ни парадоксально, мы сталкиваемся с ситуацией, когда засекреченность российских ведомственных архивов (МИДа, Министерства обороны и пр.) болез-

ненно бьет по историческому самолюбию нации, способствуя культивированию разнообразных мифов и вульгаризации проблемы в околонучной литературе.

В настоящее время доказано, что известия о готовящемся германском нападении достигали Москвы и участились после утверждения плана «Барбаросса» 18 декабря 1940 г.¹⁸⁵ Также известно, что Сталин считал сообщения о намерениях немцев дезинформацией. В какой-то степени его можно понять, так как донесения нередко противоречили друг другу. В них порой содержались взаимоисключающие сведения о намерениях Германии и о сроках предполагаемого нападения. Некоторые данные поступали из британских источников, что делало их особенно подозрительными: Англия была чрезвычайно заинтересована в том, чтобы втянуть Советский Союз в войну с Германией.

Кажущаяся уверенность, с которой Сталин оценивал непрерывно поступающие, сбивавшие с толку донесения о предполагаемых планах Германии, основывалась на его убеждении, что при всей решимости Гитлера в обозримом будущем напасть на Советский Союз он не пойдет на это летом 1941 г., поскольку не захочет воевать на два фронта. Такого мнения генсек продолжал придерживаться и после поездки Молотова в Берлин в ноябре 1940-го. По свидетельству Хрущева, Молотов даже спорил на эту тему со Сталиным, так как многим казалось, что война неизбежна. И все же тогда возобладали мнение, что этот момент можно оттянуть¹⁸⁶. По свидетельству других «соратников», Сталин еще в июне 1941 г. считал, что немцы нападут в середине или конце следующего года¹⁸⁷.

Когда советский лидер говорил о том, что Гитлер не станет без нужды начинать войну

183. Об этой дискуссии см.: M. Messerschmidt, *Präventivkrieg? Zur Kontroverse um die deutsche Aussen- und Militärpolitik vor dem Angriff auf die Sowjetunion*. In: B. Pietrow-Ennker (Hrsg.), *Präventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion*. Frankfurt am Main 2000, S. 19–36; B. Bonwetsch, *Die Forschungskontroverse um die Angriffsvorbereitungen der Roten Armee 1941*, там же, S. 170–189; Он же, *Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion und seine Vorgeschichte*. In: M. Keller (Hrsg.), *22. Juni 1941. Der Beginn des Krieges gegen die Sowjetunion*. Bochum 2001, S. 11–24; A. I. Boroznjak, *Ein russischer Historikerstreit? Zur sowjetischen und russischen Historiographie über den deutschen Angriff auf die Sowjetunion*. In: Ueberschär/Bezzymskij, *Der deutsche Angriff*, S. 116–128. См. также: I. Mawdsley, *Thunder in the East. The Nazi-Soviet War 1941–1945*. London 2005. P. 32–41

184. W. Maser, *Der Wortbruch*. München 1994; M. Klüver, *Präventivschlag 1941. Zur Vorgeschichte des Russlandfeldzuges*. 2. Aufl. Leoni 1989; J. Hoffmann, *Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945*. München 1995 (5 изд. 1999); W. Post, *Unternehmen Barbarossa. Deutsche und sowjetische Angriffspläne*. Hamburg — Berlin 1996; F. Becker, *Im Kampf um Europa. Stalins Schachzüge gegen Deutschland und den Westen*. Graz 1991; E. Topitsch, *Stalins Krieg. Die sowjetische Langzeitstrategie gegen den Westen als rationale Machtpolitik*. Neuaufl. Herford 2. Aufl. 1993; R. C. Raack, *Stalin's Drive to the West, 1938–1945*. Stanford 1995. См. также: *Отечественная история*. 1994. № 3. С. 4–22; *Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?* М., 1995.

185. Важнейшие донесения впервые опубликованы в: *Известия ЦК КПСС*. 1990. № 4. С. 198–223; полностью в: *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов*. Т. 1–2. М., 1995; *Секреты Гитлера на столе у Сталина*. М., 1995; Безыменский Л. А. *Советская разведка перед войной // Вопросы истории*. 1996. № 9. С. 78–90; Он же, *Der sowjetische Nachrichtendienst und der Kriegsbeginn von 1941*. In: Ueberschär/Bezzymskij, *Der deutsche Angriff*, S. 103–115; Beszymski, *Stalin and Hitler*, S. 398–420.

186. Хрущев Н. С. *Время. Люди. Власть*. Т. 1. С. 272–273.

187. Куманев Г. А. *Рядом со Сталиным. Откровенные свидетельства*. М., 1999. С. 23, 69, 400–406. См. также ссылки: Bonwetsch, *Hitler — Stalin — Pakt*, S. 572.

на два фронта, это означало: не начнет, если его не вынудит к этому угрожающее поведение СССР. Именно поэтому речь Сталина и другие его высказывания в форме тостов 5 мая 1941 г., как, впрочем, и вся атмосфера приема в честь выпускников военных академий, представляются крайне примечательными. Само мероприятие имело характер публично разыгранной тайнственности, — как будто ставилась цель привлечь как можно больше внимания и подчеркнуть важность происходящего. Заявления Сталина не предназначались для широкого тиражирования в прессе. В то же время они не составляли особой тайны, потому что производились перед выпускниками 16 военных академий и 9 военных факультетов — перед аудиторией из нескольких сотен человек. Создается впечатление, что слушателей прямо призывали не к молчанию, а к распространению сути этого выступления в воинских частях.

Судя по сохранившейся в устной и письменной форме информации, Сталин в своей 40-минутной речи сравнил преимущества и недостатки армий двух стран и подчеркнул, что Красная армия сейчас уже ни в чем не отстает от вермахта. Он недвусмысленно намекнул на то, что фашистская Германия вынашивает агрессивные замыслы против Советского Союза и что война неминуема. Если повезет, ее можно еще оттянуть, но Красная армия стала сильнее: она в состоянии перейти от обороны к наступлению и должна воспитываться в наступательном духе. Речь была удивительно откровенной. Окружение Сталина увидело смысл речи в том, что она внушала военным уверенность в своих силах¹⁸⁸.

О цели всего этого спектакля можно лишь догадываться. Показательно, что накануне генсек стал главой правительства. Верховный Совет утвердил это назначение 6 мая 1941 г. Рассуждения Сталина были, вероятно, обращены и к немецкому правительству, которому хотели послать дополнительный сигнал. Посол Шуленбург сразу же истолковал это событие как

стремление к улучшению отношений с Германией, ставших весьма напряженными после балканских трений¹⁸⁹. Германский посол убежденно сообщал в Берлин, что Сталин стремится «уберечь Советский Союз от конфликта с Германией»¹⁹⁰. Аналогичное впечатление создавалось и у московского представителя немецкого агентства новостей ДНБ. По его отчету, Сталин готовит страну «к новому компромиссу в отношениях с Германией»¹⁹¹.

Действительно, с большой долей уверенности можно утверждать, что непосредственно перед войной Сталин стремился к такому «компромиссу». Донесения о готовящемся нападении он не просто игнорировал, а истолковывал на свой лад — как отвлекающие маневры перед операцией против Великобритании и как способ давления на Советский Союз¹⁹². Его убежденность подкреплялась сообщениями, что Германия предъявит СССР некий ультиматум с экономическими, территориальными или политическими требованиями. Деканозов в подробном письме Молотову от 4 июня 1941 г. докладывал о многочисленных слухах в немецкоязычной прессе и среди дипломатических представителей в Берлине о якобы готовящемся новом договоре между Германией и Советским Союзом, об их совместном контрударе против Англии, об «аренде Украины». В целом суть всех этих сообщений сводилась к тому, что Германия принудит Советский Союз к политическим и экономическим уступкам, которые помогут победить Соединенное Королевство¹⁹³.

Подобная дезинформация специально распространялась немцами. Она поступала в Москву обходными путями, как правило через третьи страны, и как будто подтверждала донесения, приходившие непосредственно из Берлина¹⁹⁴. Требования, о которых в них говорилось, выглядели правдоподобно: увеличение поставок зерна и сырья, присоединение к пакту трех держав, техническая поддержка в войне с Англией¹⁹⁵. Все это должно было укрепить Сталина в уверенности, что Гитлера интересует

188. L. A. Bezymenskij, *Stalins Rede vom 5. Mai 1941 — neu dokumentiert*. In: Ueberschär/Bezymenskij, *Der deutsche Angriff*, S. 131–145; Он же, *Stalin und Hitler*, S. 373–397; B. Bonwetsch, *Nochmals zu Stalins Rede am 5. Mai 1941*. In: *Osteuropa* 42.1992, S. 536–542; Он же, *Stalins Äusserungen zur Politik gegenüber Deutschland*, S. 150–152. Мало внимания до сих пор уделялось свидетельству Якова Чадаева, управляющего делами Совнаркома, присутствовавшего на этом мероприятии см.: Куманев Г. А. *Рядом со Сталиным*. С. 406–408.

189. Телеграмма Шуленбурга, 7. 5. 1941 г. // *ADAP*, XII/2, S. 608.

190. Телеграмма Шуленбурга, 12. 5. 1941 г. // *ADAP*, XII/2, S. 661. Запись разговора Деканозова с Шуленбургом 9. 5. 1941 г. см. в документе № 210 настоящего издания, а также: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(2). С. 664–667.

191. Шуленбург — в Министерство иностранных дел, 4. 6. 1941 г. // *ADAP*, XII/2, S. 802–803; G. Hilger, *Wir und der Kreml*. Frankfurt am Main 1955. S. 307.

192. Такого же мнения придерживается и Хильгер: Hilger, *Wir und der Kreml*, S. 307.

193. Деканозов — Молотову, 4. 6. 1941 г. // ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(2). С. 715–719.

194. *Секреты Гитлера*. С. 11–12.

195. Введение и донесения от 5 мая и 9 июня 1941 г. // *Секреты Гитлера*. С. 14–15, 65–66, 148–150; Календарь сообщений агентов берлинской резидентуры НКГБ СССР 6. 9. 1940 — 16. 6. 1941 г. // *Органы государственной безопасности*. Т. 1–2. С. 290, 292–293, 295 (немецкий перевод: Ueberschär/Bezymenskij, *Der deutsche Angriff*, S. 199–212). См. также: *Bezymenski, Stalin und Hitler*, S. 423–425.

только победа над Англией¹⁹⁶. Лишь в донесении из берлинского посольства от 11 июня, переданном Сталину, Молотову и Берии 12 июня, впервые говорилось: будут ли предъявлены Советскому Союзу какие-то требования перед уже окончательно решенным нападением — «неизвестно», так что «следует считаться с возможностью неожиданного удара»¹⁹⁷.

В любом случае, в Москве до самого начала войны ожидали подобных требований. Не случайно Сталин утром 22 июня встретил генерального секретаря Коминтерна Димитрова словами: «Напали на нас, не предъявляя никаких претензий, не требуя никаких переговоров»¹⁹⁸. При этом его убеждение основывалось не только на слухах и предположениях, но и на поведении немецкого посла, который проявил инициативу, дабы предотвратить советско-германский конфликт. Информация от Шуленбурга, судя по всему, имела для Сталина принципиальное значение. Этот сюжет хорошо отражен в документах АП РФ, и — редкое явление в сталинском архиве — записи бесед сохранились в нескольких экземплярах в разных делах.

5 мая 1941 г., в тот самый день, когда Сталин на вечернем приеме произносил свою речь, Шуленбург вместе с советником посольства Хильгером встретился с Деканозовым, советским послом в Берлине, который в то время находился в Москве. Шуленбург заявил, что при последней встрече с Гитлером 28 апреля ему не удалось убедить последнего в дружественных намерениях Советского Союза. У Гитлера, сказал посол, создалось впечатление, что Москва стремится препятствовать осуществлению Германией своих жизненных интересов и помешать ее стремлению победить Англию. Поэтому Гитлер, по его собственным словам, вынужден провести мероприятия предосторожности на восточной границе Германии. Шуленбург сказал, что в Берлине и вообще в Германии в последнее время усиливаются слухи о предстоящей войне Советского Союза с Германией. Он, Шуленбург, всегда стремился к дружественным отношениям между обеими странами и видит свою задачу в том, чтобы эти слухи пресечь. К этим словам, согласно записи Деканозова, присоединился Хильгер, который во время всей беседы поправлял и дополнял

Шуленбурга, «очевидно, лучше усвоив указания из Берлина». Хильгер сказал, что нужно что-то предпринять, чтобы рассеять эти слухи. Шуленбург также несколько раз повторял мысль, что следует что-то предпринять, чтобы пресечь слухи, поскольку с ними «нужно считаться как с фактом». Из-за неотложности проблемы Шуленбург настоял еще на одной встрече¹⁹⁹.

Она состоялась в советском министерстве иностранных дел 9 мая и проходила уже без Хильгера. Речь снова шла о советско-германских противоречиях последнего времени и о слухах о предстоящей войне. Деканозов в качестве возможности предложил совместное коммюнике, где подобные слухи опровергались бы как не имеющие под собой основания. Шуленбургу, не обладавшему никакими полномочиями, было важно, чтобы инициатива исходила от Сталина. Поэтому он сделал встречное предложение: Сталин мог бы — в связи с назначением его главой советского правительства — обратиться с письмами к главам правительств ряда дружественных СССР стран и в письме к Гитлеру предложить совместное германо-советское коммюнике. А поскольку дело очень спешное, то к письму можно сразу приложить примерное содержание коммюнике. Уходя, Шуленбург попросил довести его предложение до сведения Молотова и продолжить разговор на эту тему уже завтра или послезавтра. Деканозов пообещал позвонить, чтобы условиться о времени следующей встречи²⁰⁰, которая состоялась 12 мая 1941 г. вновь в присутствии Хильгера²⁰¹.

Тем временем Деканозов, выполняя просьбу германского посла, поговорил со Сталиным и Молотовым и действовал теперь по их указаниям. В докладе Деканозова Молотову в тот же день говорится: «Я взял инициативу и сказал Шуленбургу следующее: я говорил с тов. Сталиным и Молотовым и рассказал им о предложении, сделанном Вами²⁰², об обмене письмами в связи с необходимостью ликвидировать слухи об ухудшении отношений между СССР и Германией. И Сталин, и Молотов сказали, что в принципе они не возражают против такого обмена письмами, но считают, что обмен письмами должен быть произведен только между Германией и СССР. Так как срок моего пребывания в СССР истек и сегодня я должен выехать в Гер-

196. L. A. Bezymenskij, Der sowjetische Nachrichtendienst und der Kriegsbeginn 1941. In: Ueberschär/Bezymenskij, Der deutsche Angriff, S. 107.

197. Кобулов — Сталину, Молотову и Берии, 12. 6. 1941 г. // Секреты Гитлера. С. 154–156.

198. Dimitroff, Tagebücher, S. 392.

199. Запись из дневника Деканозова, 5. 5. 1941 г. — документ № 209 в настоящем издании; Hilger, Wir und der Kreml, S. 308–309. Л. А. Безыменский (Besymenski, Stalin und Hitler, S. 425–428) также рассказывает об этих встречах, но, судя по всему, он располагал лишь общими сведениями об этих документах, поэтому вносит некоторую путаницу.

200. Запись из дневника Деканозова, 9. 5. 1941 г. См. документ № 210 в настоящем издании.

201. Запись из дневника Деканозова, 12. 5. 1941 г. См. документ № 211 в настоящем издании.

202. В тексте: «Шуленбургом».

манию, то Сталин считает, что Вам²⁰³ следовало бы договориться с Молотовым о содержании и тексте писем, а также о совместном коммюнике»²⁰⁴.

В дневнике Деканозова сказано кратко: «Я взял инициативу, передав Шуленбургу содержание полученных мной директив»²⁰⁵. И в самом деле Деканозов дословно передал Шуленбургу рукописное указание, продиктованное Сталиным Молотову²⁰⁶. Это значит, что Сталин с Молотовым полагают, что разговор о мерах по улучшению взаимоотношений имеет шансы на успех и должен быть перенесен на более высокий уровень. Такое мнение сложилось у них, возможно, из-за ошибочного впечатления Деканозова в отчете о первом разговоре 5 мая, будто Шуленбург и Хильгер действуют по указанию из Берлина. Конечно, советское руководство и подумать не могло, что германский посол осмелится на самостоятельную игру, тем более против намерений Гитлера. Но затем Шуленбург признался Деканозову, что разговаривал с ним в частном порядке. Он «не может продолжить этих переговоров в Москве с Молотовым, так как не имеет соответствующего поручения от своего правительства» и даже сомневается, что получит его. Поэтому Сталин и Молотов должны взять инициативу на себя, чтобы он мог доложить в Берлине о поступившем от советской стороны предложении²⁰⁷.

Сталин и Молотов не откликнулись на этот призыв. Демарш Шуленбурга и Хильгера, претендовавшего впоследствии на инициативу в этом деле²⁰⁸, был понят как «предостережение» советскому правительству относительно планируемого Германией нападения²⁰⁹. Почему Сталин и Молотов не отреагировали, объяснить довольно легко: в тот же день, когда Деканозов по поручению Сталина и Молотова предложил Шуленбургу обсудить идею обмена письмами и совместного коммюнике, в Англии появились первые сообщения о перелете Рудольфа Гесса. На следующий день Сталин получил практически одновременно запись разговора Деканозова с Шуленбургом и сообще-

ния о высадке Гесса в Шотландии. Этот таинственный перелет 10 мая 1941 г. вызвал в Москве сильнейшую тревогу. О цели этого мероприятия гадали во всем мире, и Москва не была исключением. Вновь замаячил призрак сближения Германии и Англии, которого Сталин очень боялся. Характерно, что в записи беседы Шуленбурга и Деканозова 12 мая 1941 г. он подчеркнул красным карандашом только фразу, в которой Шуленбург без всякой задней мысли выразил предположение, что в недалеком времени Германия и Англия, вероятно, придут к соглашению²¹⁰.

И вдруг показалось, что это время пришло быстрее, чем ожидалось. Приехав в Берлин, Деканозов 21 мая отправил Молотову доклад под заголовком «Предварительные данные о "случае с Гессом"», который, разумеется, был тут же передан Сталину²¹¹. В этом докладе сводились воедино существовавшие на тот момент официальные сообщения, слухи и предположения, ходившие в дипломатических кругах. Деканозов ничего не драматизировал, однако спокойный тон его доклада, вероятно, произвел на московских адресатов еще более угрожающее впечатление, поскольку подтверждал все вызванные загадочным происшествием опасения. Посол увидел в «случае с Гессом» показатель противоречий в германских правящих кругах по вопросу о дальнейшем курсе внешней политики и признак сильного стремления к миру с Англией. Он также отметил в этой связи обострение антисоветской пропаганды и наступлений в Германии. Именно эти фразы выделял подчеркиваниями Сталин в докладе Деканозова. Столь же тревожные донесения поступали из Лондона²¹². Сейчас известно, что британское правительство не вело с Гессом секретных переговоров, но нарочно скрывало, что происходит. Этот спектакль разыгрывался главным образом для Москвы, которая, испугавшись, должна была отказаться от своего фактического союза с Берлином. Поскольку в Лондоне не знали твердо, действительно ли Гитлер собирается напасть на Советский

203. В тексте: «г-ну Шуленбургу».

204. См.: Разговор Деканозова с Шуленбургом, 12. 5. 1941 г. // ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(2). С. 675–676.

205. Запись из дневника В. Деканозова от 12. 5. 1941 г. См. документ № 211 в настоящем издании.

206. См. документ № 212 в настоящем издании. На рукописном оригинале рукой Деканозова отмечено: «Заявлено т. Деканозовым г. Шуленбургу 12 мая 1941 года».

207. Беседа Деканозова с Шуленбургом, 12. 5. 1941 г. // ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(2). С. 675–676. См. документ № 211 настоящего издания.

208. Hilger, Wir und der Kreml, S. 308.

209. Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. М., 1999. С. 23.

210. Запись беседы Деканозова с Шуленбургом, 12. 5. 1941 г. см.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 686. Л. 150. По поводу бомбардировок англичанами немецких городов Шуленбург сказал, что, по его мнению, недалеко то время, когда они (воюющие стороны) должны прийти к соглашению и тогда прекратятся бедствия и разрушения, причиняемые городам обеих стран.

211. См. документ № 213 в настоящем издании.

212. Gorodetsky, Grand Delusion, S. 267–274.

Союз или только хочет запугать его и вынудить к уступкам, затеянная Великобританией игра была весьма рискованной. Эффект мог быть и прямо противоположный желаемому²¹³.

Пределы готовности советской стороны к уступкам проверить невозможно. По словам Молотова, шла «большая игра» и «не все зависит от нас»²¹⁴. Обстоятельства «исчезновения» Гесса, слухи и донесения о нем в мае 1941 г. укрепили подозрения Сталина, что вся эта история представляла собой попытку Гитлера заключить мир с Англией и даже, возможно, привлечь ее на свою сторону в борьбе с «большевизмом». Известно лишь одно высказывание Сталина о «случае с Гессом» в пересказе Хрущева. На замечание: «Не является ли бегство Гесса выполнением особой миссии по поручению Гитлера? Он взял все на себя с тем, чтобы ничем его не связывать, а на самом деле является посыльным Гитлера. Он не бежал, а фактически полетел туда по поручению Гитлера с тем, чтобы договориться с Лондоном о прекращении войны и развязать Гитлеру руки для похода на Восток», — Сталин ответил кратко: «Да, это так и было. Вы правильно понимаете этот вопрос»²¹⁵.

Некоторые авторы объясняют поведение Сталина наличием некой личной переписки между двумя вождями²¹⁶. Подобный обмен письмами представляется чрезвычайно сомнительным²¹⁷. Нет никаких архивных или косвенных данных в поддержку этой версии. Однако есть все основания считать, что заявление ТАСС от 13 июня представляет собой фактически запоздалую реакцию на инициативу Шуленбурга и Хильгера от 5 мая. Сообщение было составлено Сталиным с использованием идей и предложений Шуленбурга. Оно опровергало слухи о напряженности в советско-германских отношениях и якобы предъявлявшихся Герма-

нией требованиям или намерении начать войну. Вечером 13 июня его зачитали по радио, а на следующее утро опубликовали в газетах.

Сталин и Молотов определенно ожидали ответа. Не зря Молотов заранее передал текст заявления Шуленбургу²¹⁸. Однако Берлин молчал. Тогда, воспользовавшись поводом для вручения ноты о нарушении границы германскими самолетами, Молотов 21 июня вызвал Шуленбурга к себе и задал ему прямые вопросы: почему уезжают из Москвы сотрудники германского посольства с женами? почему усиленно распространяются «в острой форме» слухи о надвигающейся войне между СССР и Германией? почему не было опубликовано в Германии миролюбивое сообщение ТАСС от 13 июня и «в чем заключается недовольство Германии в отношении СССР, если таковое имеется»? Шуленбург согласился с резонностью вопросов, но признался, что не в состоянии на них ответить, так как «Берлин его совершенно не информирует»²¹⁹. Согласно отчету посла, Молотов указал не только на то, что сообщение ТАСС не было опубликовано в Германии, но и вообще на полное отсутствие реакции, то есть официального ответа.²²⁰

Ответ пришел ранним утром 22 июня, когда боевые действия уже начались и расстроенный Шуленбург заявил Молотову о своем глубочайшем сожалении по поводу такого развития событий²²¹. Сталин, однако, по-прежнему считал, что понимает Гитлера лучше, чем те, кто говорит о войне. Даже после начала германского наступления он некоторое время относился к происходящему как к провокации немецких военных, которые хотят втянуть Гитлера в войну с Советским Союзом²²². Такая политика советского лидера обошлась стране в миллионы человеческих жизней.

213. R. F. Schmidt, Der Hess-Flug und das Kabinett Churchill. Hitlers Stellvertreter im Kalkül der britischen Kriegsdiplo-matie Mai/Juni 1941. In: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 42.1994, S. 1–38; Он же, Rudolf Hess. «Botengang eines Toren»? Der Flug nach Grossbritannien vom 10. Mai 1941. 3. Aufl. Düsseldorf 2001.

214. Dimitroff, Tagebücher, S. 392.

215. Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть. Т. 1. С. 273. Неясно, происходила ли эта беседа еще до 22 июня 1941 г. или позже.

216. Besymenski, Stalin und Hitler, S. 429–431; D. E. Murphy, What Stalin Knew: The Enigma of Barbarossa. New Haven 2005. P. 256–258; J. Lukacs, June 1941. Hitler and Stalin. New Haven 2006. P. 147–158.

217. Slutsch, Stalin und Hitler, S. 86.

218. Недатированный машинописный проект сообщения: АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 177–178; Телеграмма Шуленбурга, 14. 6. 1941 г. // АДАР XII/2, S. 855–856 (с немецким переводом сообщения).

219. Беседа Молотова с Шуленбургом, 21. 6. 1941 г. // ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(2). С. 751–753.

220. Телеграмма Шуленбурга, 22. 6. 1941 г. // АДАР XII/2, S. 894. См. также: Hilger, Wir und der Krenil, S. 311.

221. Беседа Молотова с Шуленбургом, 22. 6. 1941 г. // АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 179–181.

222. Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 355; Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Изд. 10-е. Т. 1. М., 1990. С. 9–10; Микоян А. И. Так было. М., 1999. С. 376–393.